Master Negative Storage Number

OCI00056.07

Matushka golubushka

Moskva

1882

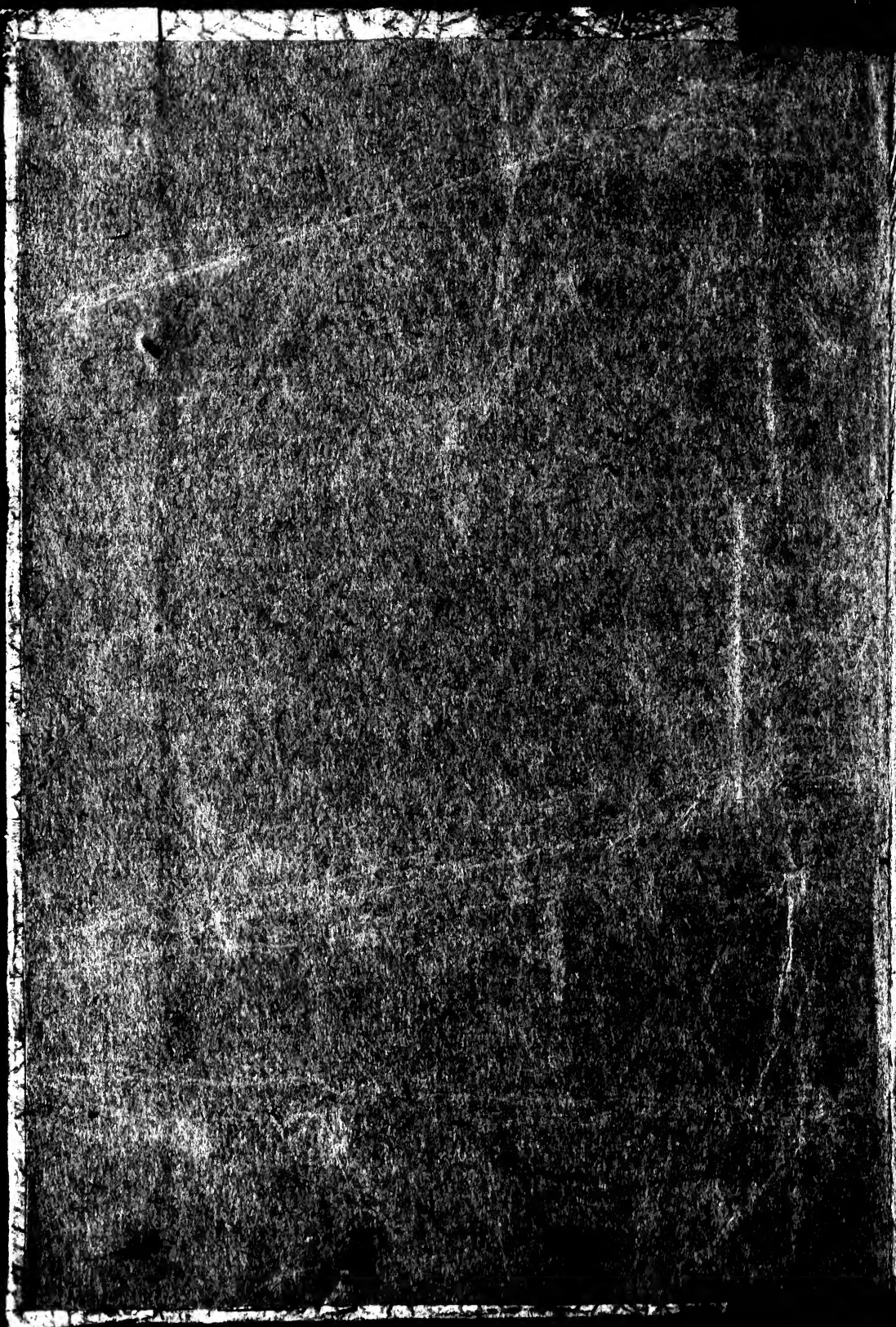
Reel: 56 Title: 7

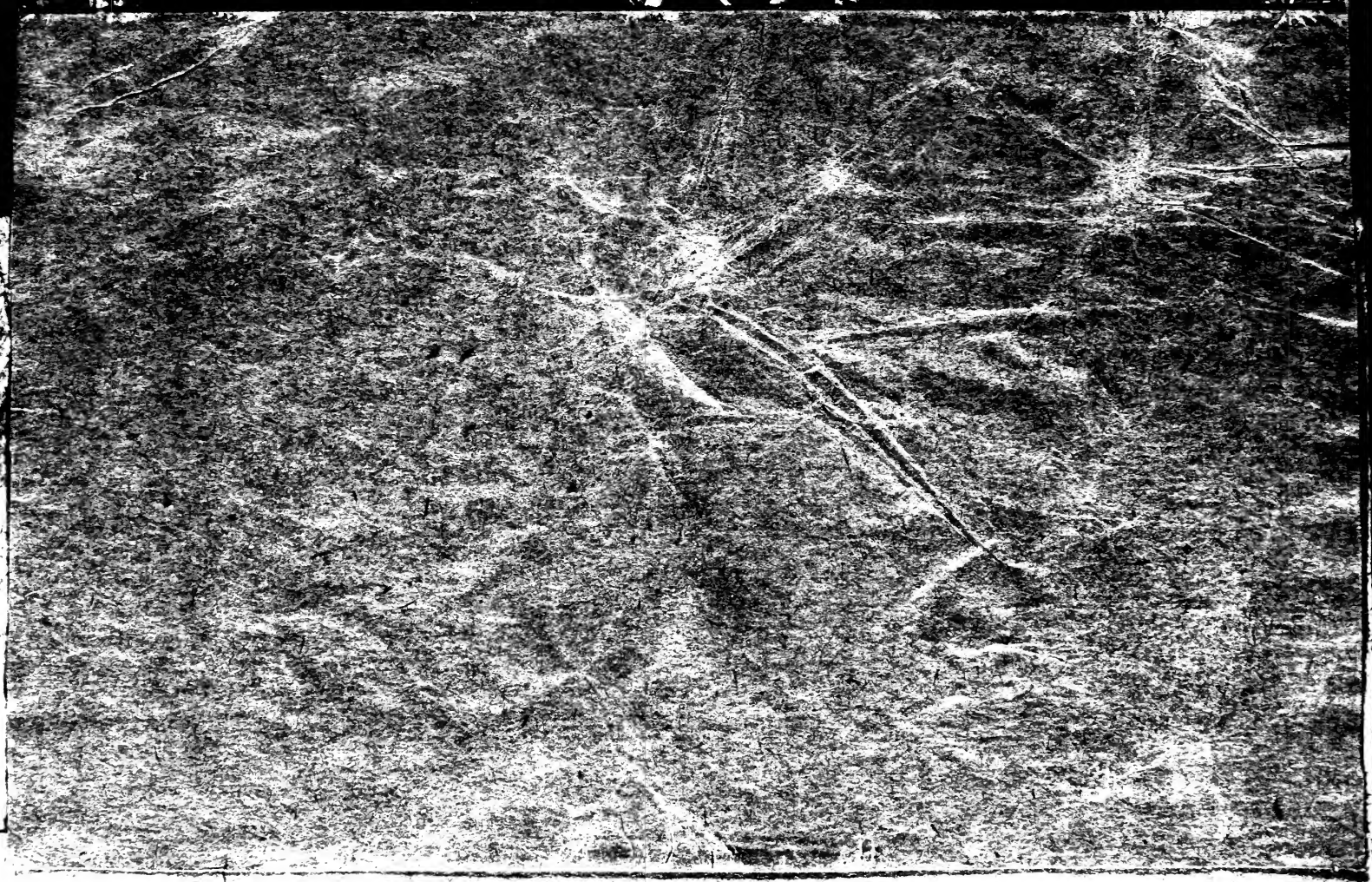
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

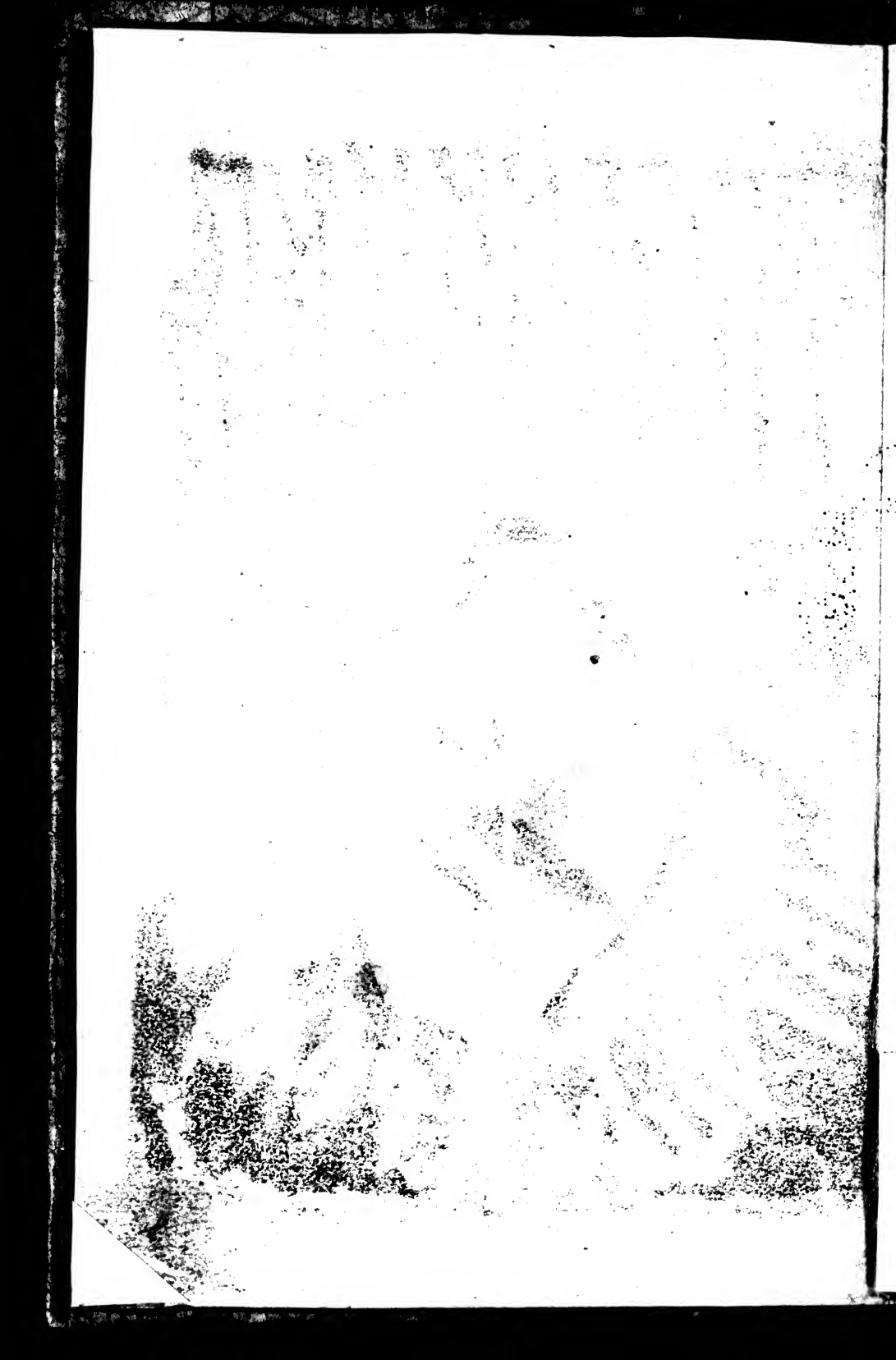
RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION
Master Negative Storage Number: OCI00056.07

Control Number: BGO-0935
OCLC Number : 25122179
Call Number : W 381.5917s M437
Title : Matushka golubushka : polone sobranie piesen, romansov i vodevil'nykh kupletov / sochineniia Pushkina, Zhukovskago, Dmitrieva, Neledinskago-Meletskago, Merzliakova, Davydova, Batiushkova, Kol'tsova, i pr., s prysovokupleniem sviatochnykh, podbliudnykh, pliasovykh, tsyganskikh i svadebnykh pesien.
Imprint : Moskva : I.F. Morozov, 1882.
Format : 180, iv p. : 17 cm.
Note : Colored illustrations on cover.
Subject : Songs, Russian.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 11-01-94
Camera Operator: CS







МАТУШКА ГОЛУБУШКА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ПѢСЕНЪ,

РОМАНСОВЪ

и

ВОДЕВИЛЬНЫХЪ КУПЛЕТОВЪ.

Сочиненія: Пушкина, Жуковскаго, Дмитріева, Нелединскаго-Мелецкаго, Мерзлякова, Давыдова, Батюшкова, Кольцова, и пр., съ присовокупленіемъ святочныхъ, подблюдныхъ, плясовыхъ, цыганскихъ и свадебныхъ песѣнъ.

Москва.
Изданіе книгопродавца И. Ф. Морозова.
1882.

Дозволено цензурой, Москва. 11 Марта 1882 г.

Тип. Мартынова, Тверская у., д. Локотниковой.

W.
381. 5917s M437

Матушка голубушка.

Матушка, голубушка,
Солнышко мое!
Пожалѣй, родимая,
Дитятко твое:
Словно змѣя лютая
Сердце мнѣ сосетъ,
И цѣлую ноченьку
Спать мнѣ не даетъ!
Все мнѣ что-то грезится,
Будто на яву,
Спать когда ложуся я,
И когда встаю:
То залетной пташечкой
Пѣсенка слышна,
Сердце во мнѣ прыгаетъ:
Такъ сладка она!
Что́ это, родимушка!
Сталося со мной?

Видно, приключился мнѣ
Злой недугъ какой!
Али нѣтъ, родимая,
Чѣмъ мнѣ пособить?
«Знать приспѣло, дитятко,
Времячко любить».

Пряди моя пряха.

Пряди, моя пряха,
Пряди, не лѣнися.
« Рада бы я прясти,
Меня въ гости звали
Къ сосѣду въ бесѣду;
У сосѣда будетъ
Мой милый, хорошій,
Мой милый, прогожій.
Бѣлый, кудреватый,
Холостъ, неженатый:
Вотъ ѣдетъ мой милый,
На ворономъ конѣ,
Въ бѣломъ балахонѣ,
Шапочка съ углами,
Головка съ кудрями;
Къ двору подъѣзжаетъ,
За ручки хватаетъ,
За столикъ сажаетъ. »

Вдоль по улицѣ мятелица мететъ.

Вдоль по улицѣ метелица мететъ,
За метелицей мой миленькій идетъ.
Ты постой, постой, красавица моя,
Дай мнѣ, радость, насмотрѣться на тебя;

На твою ли на прекрасну красоту,
На твое ли да на бѣлое лицо.
Ты постой, постой, красавица моя,
Дай мнѣ, радость, насмотрѣться на тебя!

Красота твоя съ ума меня свела,
Сокрушила добра молодца меня.
Ты постой, постой, красавица моя,
Дай мнѣ, радость насмотрѣться на тебя!

Вѣкъ юный, прелестный.

Вѣкъ юный, прелестный,
Друзья, пролетитъ:
Летитъ стрѣлой
Нашъ вѣкъ младой,
Какъ сладкій сонъ,
Минуетъ онъ.

Лови, лови,
Часы любви,
Пока любовь горитъ въ крови.

Затмится тоскою
Нашъ младости пиръ;
Обманетъ мечтою
Украшенный міръ.
Что день, то нѣтъ
Блѣднѣетъ свѣтъ:
Мечты златой,
Мечты живой!
Лови, лови,
Часы любви,
Пока любовь горитъ въ крови!

Какъ май ароматный
Веселой весны,
Какъ гость благодатный
Съ родной стороны:
Такъ юность дней,
Друзья! скорѣй
За здравье пей!
Лови, лови,
Часы любви,
Пока любовь горитъ въ крови.

Разнощикъ.

Напрасно, разнощикъ, ты въ окна глядишь,
Подъ бременемъ сладостной ноши:
Напрасно ты голосомъ громкимъ кричишь:
«Пельсины, лимоны, хороши!»

Я отжилъ жизнь свою давно;
Душа остыла на чужбинѣ,
И не любить мнѣ все равно, —
Но душу будятъ апельсины!

Напрасно, разнощикъ, ты въ окна глядишь,
и проч.

И вспомнилъ я о старинѣ,
О ней, души моей святынѣ,
Какъ прежде съ ней наединѣ
Мнѣ сладки были апельсины.

Напрасно, разнощикъ, ты въ окна глядишь,
и проч.

Вечеръ-то я, молодецъ.

Вечеръ-то я, молодецъ,
У дѣвушки былъ;
Сказала мнѣ дѣвушка
Не радостну вѣсточку,
Да, печальную:
«Женись, женись, молодецъ,
Я замужъ пойду».
—«Вспомни, вспомни, дѣвица,
Прежнюю любовь,
Какъ мы съ тобой, дѣвица,
Сомыкалися,
Подъ бѣлой березонькой
Любовалися,
Подъ горькой осиной
Разставалися?»

Сяду я на лавочку.

Сяду я на лавочку,
Погляжу ль въ окно.
Сяду ль я на лавочку,
Ахъ! погляжу ль въ окошечко:

На улицѣ дождь.
На улицѣ сильный дождь,
На дворѣ туманъ.

На дворѣ туманъ,
Притуманился.
По мнѣ милый дружокъ
Пригорюнился!..

Ахъ! головка болитъ,
Болитъ буйная головушка!

Ой, посіялъ мужикъ да у полѣ ячмень.

Ой, посіялъ мужикъ да у полѣ ячмень;
Мужикъ каже: ячмень; жинка каже: гречька.
Ни мовъ мини ни словечка!
Не хай буде гречька.
Не хай, не хай, не хай, не хай, не хай буде гречька!
Да уже той ячмень у поле зеленився;
Мужикъ каже: ячмень; жинка каже гречька.
Не мовъ мини но словечка!
Не хай буде гречька!
Не хай, не хай, не хай, не хай, не хай буде гречька!

Да уже той ячмень у полѣ взошовъ;
Мужикъ каже: ячмень; и проч.

Да уже той ячмень у полѣ поспѣваетъ,
ужикъ каже: ячмень; и проч.

Да уже той ячмень у полѣ поспивъ;
Мужикъ каже: ячмень; и проч.

Да уже той ячмень у полѣ пожали,
Мужикъ каже: ячмень; и проч.

Да уже той ячмень у копы копали;
Мужикъ каже: ячмень; и проч.

Да уже той ячмень и съ поля свозили;
Мужикъ каже: ячмень; и проч.

Да уже той ячмень и помолотили;
Мужикъ каже: ячмень; и проч.

Да уже той ячмень въ солодъ поростили,
Мужикъ каже: ячмень, и проч.

Да уже съ того солоду и вино сварили,
Мужикъ каже: ячмень; и проч.

Да уже то пиво скоро и попили.
Мужикъ каже: ячмень; и проч.

Ахъ кути, валяй, головушка

Ахъ, кути, валяй, головушка,
Голова ль моя побѣдная!
Ужъ тебѣ ль, сорви-головушка,
Думать думушку глубокую.
Ай, жги, жги, говори,
Думать думушку глубокою.
Вотъ у молодца богатства, добра:
Балалайка самогудочка.
А хористы-то дремучій боръ,
А хозяйка ночька темная.
Ай, жги, жги, говори,
А хозяйка ночька темная.

Митька съ Питера пріѣхалъ.

Митька съ Питера пріѣхалъ,
Въ кучерахъ онъ тамъ живалъ;
Много онъ тамъ видѣлъ, слышалъ,
И про-все намъ разсказалъ.
Да, да, разсказалъ,
Какъ тамъ весело гулять!
Да, да, разсказалъ,
Какъ тамъ весело гулялъ!

Ай, Митька, молодецъ,
Право, Митька, удалецъ! (2)

Вотъ его разсказъ до слова,
Есть и старо тутъ и ново,
И былицъ и небылицъ,
Слышалъ онъ отъ разныхъ лицъ.

Ай, Митька, молодецъ,
Право Митька удалецъ! (3)

Шелъ я какъ-то погулять
По канавѣ, гдѣ видать
Вывѣску со львомъ живымъ,
Львомъ заморскимъ, не простымъ.
Чу! слышу звѣря ревъ,
Аршинъ въ двадцать, видно, левъ(3)

Ай, Митька, молодецъ,
Право, Митька, удалецъ! (3)

Не то, жилъ я въ кучерахъ,
У Француза на Пескахъ;
Онъ нанялъ въ кіатрѣ ложу —
Что на гнѣздышко похоже.
А, о, гей, да, вей,
Почти словно соловей (3).

Ай, митька, молодецъ,
Право, Митька, удалецъ! (3)

Вотъ я и задумалъ съ дуру
На кіатеръ поглядѣть,
Тихо въ барина кануру
Дверь легонько отпереть.
Трескъ гамъ и шумъ такой,
Митька съ лѣстницы долой (3)

Ай! Митька, трусъ какой:
Митькѣ стыдно предо мной. (3).

Баринъ сказывалъ мнѣ какъ-то,
Что то опера была,
Итальянски-басурмански,
Всѣ тамъ баятъ и кричатъ.
А, о, гей, да вей,
И поетъ какъ соловей (3).

Ай, Мйтька, стыдъ какой,
Митькѣ стыдно предо мной.

Въ шею выгнали лакея;
Баринъ вздумалъ балъ задать,
И Мютюху ратозѣя,
Въ комнаты въ прислугу взять.
Вотъ было что смѣшно,
Смѣшнѣй этого ничто .

Ну, Митька, разскажи,
Что смѣшно, намъ укажи (3).

Прискакали къ Митькѣ гости,
Пляшутъ, просто, разлюли!
Прямо, въ бокъ, назадъ, впередъ,
Просто лихо, разлюли!
А пляска та, у насъ,
Полька, кажется, звалась (3).

Ай, Митька, молодецъ,
Спляши польку наконецъ.

Пойми меня, тебѣ твердятъ

Пойми меня, тебѣ твердятъ,
Мое невольное смятенье,
И тихой грусти полный взглядъ,
И нѣжной страсти упоенье.
Пойми меня!

Ахъ! не страшись меня понять!
Тамъ нѣтъ измѣны, гдѣ страданье,
Гдѣ скорби на челѣ печать;
Укрой меня лишь отъ признанья.
Пойми меня!

Пойми меня! веснѣ моей
Не дай отцвѣсть среди томленья;
Коль нѣтъ любви въ душѣ твоей,
Увы! хотя изъ сожалѣнья
Пойми меня!

Мы двѣ дѣвицы чернобровыя,

Мы, двѣ дѣвицы чернобровыя, мы двѣ цыганки черноокія.
Въ глазахъ же черныхъ — огонь заблисталъ,
Въ сердцахъ же страстныхъ — огонь запылалъ,
Огонь, огонь, огонь — запылалъ.

Кровь въ сердцѣ бьется — мы огнемъ горимъ,
Любовь блаженство — мы любви хотимъ;
Въ глазахъ же черныхъ огонь заблисталъ,
Въ сердцахъ же страстныхъ огонь запылалъ.

Мы всѣ ревнивы — страшно насъ любить,
Мы за невѣрность — рады кровь пролить.
Въ глазахъ же черныхъ огонь заблисталъ,
Въ сердцахъ же страстныхъ огонь запылалъ.

Охъ болитъ.

Охъ, болитъ,
Да щемитъ
Ретиво сердечко...

Все по немъ
По моемъ—
По миломъ дружечкѣ.

Онъ сердитъ,
Не глядитъ
На меня, дѣвицу,

Все коритъ,
Да бранитъ,
Взноситъ небылицу:

Будто днемъ,
Соловьемъ
По садамъ летаю,

Не объ немъ,
Объ иномъ
Звонко распѣваю.

Не рости,
Не цвѣсти
Кустику сухому;

Не любить,
Не забыть
Дѣвицу иному!

Не себѣ,
Все тебѣ,
Красотка, блюдется...

Ахъ, ни чьей —
Все твоей
Съ горя изведется!

Я любила его.

Я любила его
Жарче дня и огня,
Какъ другіе любить
Не смогутъ никогда.

Только съ нимъ лишь однимъ
Я на свѣтѣ жила!
Ему душу мою,
Ему жизнь отдала.

Что за ночь, за луна;
Когда друга я жду;
И блѣдна, и хладна,
Замираю, дрожу.

Вотъ идетъ онъ, поетъ:
«Гдѣ ты, зорька моя!»..
Вотъ онъ руку беретъ,
Вотъ цѣлуетъ меня.

Что это за сердце.

Что это за сердце,
Да что это такое—
Что ни днемъ, ни ночью
Не даетъ покою?..

То забьется пташкой,
Запертою въ клѣткѣ;
То замретъ цвѣточкомъ,
На скошенной вѣткѣ.

Быть бы сердцу пташкой —
Что бы захотѣло?..
Дать бы ему крылья—
Куда бъ улетѣло?

Знаю я сторонку,
Гдѣ его зазноба...
Ахъ, куда бы лѣтомъ,
Полетѣли оба!..

На той на сторонкѣ
Тепло солнце грѣетъ,—
Тамъ дѣвица красна,
Какъ маковъ цвѣтъ зрѣетъ!...

Тамъ въ темныя ночи
Не звѣзды лишь свѣтятъ, —
Тамъ ясныя очи
Привѣтливо встрѣтятъ!

Привѣтливо встрѣтятъ,
Ласково проводятъ...
Любезныя рѣчи
Тоски не наводятъ.

Обойми поцѣлуй.

Обойми, поцѣлуй,
Приголубь, приласкай;
Еще разъ поскорѣй
Поцѣлуй—горячѣй.
Что печально глядишь?

Что на сердцѣ таишь?
Не тоскуй, не горюй,
Изъ очей слезъ не лей;
Мнѣ не надобно ихъ,
Мнѣ не нужно тоски...

На полгода всего
Мы разстаться должны;
Есть за Волгой село,
На крутомъ берегу;
Тамъ отецъ мой живетъ,
Тамъ родимая мать
Сына въ гости зоветъ;
Я поѣду къ отцу,
Поклонюся родной,—
И согласье возьму
Обвѣнчаться съ тобой.
Мучитъ душу мою
Твой печальный нарядъ:
Для чего ты въ него
Нарядила себя?

Разрядись, уберись
Въ свой нарядъ голубой
И на плечи накинь
Шаль съ каймой росписной;
Пусть пылаетъ лицо,

Какъ по утру заря,
Пусть сіяетъ любовь
На устахъ у тебя!
Какъ мнѣ мило теперь
Любоваться тобой!
Какъ весна хороша,
Ты, невѣста моя!
Обойми жъ, поцѣлуй,
Приголубь, приласкай
Еще разъ—поскорѣй,
Поцѣлуй горячѣй!

Да ужъ вотъ вамъ моя правая рука

Да ужъ вотъ вамъ моя правая рука,
Упрошу я дорогова муженька,
Упросить его съумѣю завсегда!
Да, да, я съумѣю завсегда.
Я не робкаго десятка молода,

Хоть и будетъ, хоть не будетъ мнѣ бѣда,
А я на воды поѣду завсегда;
Да, да, я поѣду завсегда.
Ахъ, ты душка! ты мой невскій пароходъ,

Ты скорѣй, скорѣй причаливай у водъ!
Видишь! какъ туда торопится народъ,
Да, да, туда торопится народъ.

Разгорайтесь вы, фонарики, въ саду,
Я съ подругами гулять туда иду—
И веселье я конечно тамъ найду!
Да, да, и веселье я найду....

РОМАНСЫ И ПѢСНИ

РАЗНЫХЪ АВТОРОВЪ.

—

Ударилъ часъ мѣдь зазвучала.

Ударилъ часъ, мѣдь зазвучала,
И будто стоны издала;
Слеза на грудь мою упала,
Душа заныла, замерла.
Свершилось все! разстаться должно,
Предѣлъ нельзя перемѣнить;
Судьбѣ повиноваться должно,
Но льзяль не плакать, не грустить?
Такъ льзя-ль безъ горести разстаться
Съ тобою, кѣмъ духъ живился мой;
Льзя-ль не стенать, не рваться
Коль рокъ претитъ мнѣ быть съ тобой?

Съ тобой? кѣмъ душа ощутила,
Познала цѣну бытія;
Съ кѣмъ быть единымъ благомъ чтила?
Любить —вотъ цѣль была моя!
Любить и быть взаимно милой,
Съ тобой всѣ чувства раздѣлять;
Ввѣрять тоску души унылой,
Ахъ, съ другомъ сладко и страдать!
Что жъ будетъ безъ тебя со мною?
Чей вздохъ до сердца мнѣ дойдетъ?
Кто утѣшительной рукою
Слезу текущую отретъ?
Предъ кѣмъ открою душу страстну?
Кому скажу, что я люблю?
Оплачу съ кѣмъ судьбу несчастну;
Предъ кѣмъ открою, что терплю?
Ахъ! кто захочетъ тѣмъ заняться,
Чтобъ рану сердца исцѣлить;
Всякъ можетъ другомъ называться,
Но не всякой можетъ другомъ быть.
Лишь ты имъ былъ,—и я гордилась,
Что друга знала обрѣсти;
Я счастьемъ симъ еще не насладилась—
Должна сказать уже: прости!
Прости, прости! о другъ мой милый,
Спокоенъ, веселъ, счастливъ будь!
Прерви, прерви свой стонъ унылый,—
Меня на вѣки позабудь!

Уединенная сосна.

Уединенная сосна,
Товарищъ дикій и печальный!
Какъ грусть души моей сходна
Съ твоею тѣнью погребальной!

Тебѣ судилъ жестокій рокъ
Не осѣнять потокъ прозрачный!
Какъ ты мрачна, такъ мысли мрачны,
Я въ мірѣ такъ же одинокъ.

Кто раздѣлитъ печаль мою?
Найду-ль внимательныхъ, послушныхъ?
Прими меня подъ сѣнь свою
И слезы скрой отъ равнодушныхъ.

Когда жъ окончу скорбны дни
Забытъ людьми, подругой милой,—
Ты тѣнью мрачной и унылой,—
Мою гробницу осѣни.

На что на свѣтѣ нѣтъ стиховъ

На что, скажите, нѣтъ стиховъ?
Мы пѣли славу, шумъ сраженій,
Луну, ручьи и голубковъ,

И тьму различныхъ приключеній.
Кто славитъ прелесть красоты,
Вино пріятнѣе другому;
Недавно кто-то пѣлъ цвѣты,
Позвольте мнѣ вамъ спѣть солому.

Солома осѣняетъ кровъ,
Гдѣ земледѣлецъ обитаетъ;
И, утомленный отъ трудовъ,
Онъ на соломѣ отдыхаетъ.
Склонясь главой на мягкій пухъ,
Богачъ въ великолѣпномъ домѣ,
Безсонницей терзаетъ духъ;
Бѣднякъ спитъ крѣпко на соломѣ.

Солома превратясь въ нарядъ
Красавицъ хитрою рукою,
Нескромный отвращаетъ взглядъ
И защищаетъ ихъ отъ зною.
Пытаясь сей покровъ сорвать,
Зефиръ трудится по пустому;
И право жаль, какая стать,
Чтобы розы прятать подъ солому?

Твердятъ, что будто бъ въ старину
Любовь страшилась лишь измѣны;
И рыцарь полюбивъ одну,
Не зналъ въ желаньяхъ перемѣны,

Теперь же страсть вся на словахъ,
Съ любовью вѣрность не знакома,
И нѣжность въ пламенныхъ сердцахъ,
Горитъ такъ точно, какъ солома.

Небо чисто, небо ясно,

Небо чисто, небо ясно,
Въ небѣ звѣздочка горитъ.
Не люби ее такъ страстно,
Для тебя ль она горитъ.

Для тебя-ль, того не знаю,
Но при ней мнѣ такъ свѣтло;
Но при ней я не страдаю,
Безъ нея жъ мнѣ тяжело.

Сладко сердцу съ ней сродниться,
Ею красенъ міръ земной,
Стоитъ звѣздочкѣ затмиться,—
И погасну я душой.

Небо чисто, небо ясно,
Въ небѣ звѣздочка горитъ.
Не люби ее такъ страстно,
Для тебя ль она горитъ.

Кончен, кончен

«Кончен, кончен дальный путь,
Вижу край родимый;
Сладко будетъ отдохнуть,
Мнѣ съ подружкой милой.
Долго въ грусти ждетъ она
Казака младова.
Вотъ забрежжила луна
Съ неба голубова.
И веселый Донъ течетъ
Тихою струею;
Въ нетерпѣньи конь мой ржетъ
Чуетъ травку предъ собою.
У жителей чужихъ браговъ,
Гдѣ, въ счастливой долѣ,
Средь знакомыхъ табуновъ,
Онъ гулялъ по волѣ.
«Вѣрный конь! скачи скорѣй,
И какъ вихорь мчися,
Лишь предъ хатою моей,
Ты остановися.»
Такъ казакъ спѣшилъ домой,
Понукалъ гнѣдова.

Вотъ приблизился Донецъ
Къ своему селенью.
«Стой, товарищъ, стой! конецъ
Нашему стремленью.
Видитъ онъ невѣстинъ домъ,
Входитъ ужь въ свѣтлицу
И, объяту сладкимъ сномъ,
Будитъ онъ дѣвицу.
«Встань, коханочка моя,
Нѣжно улыбнися,
Обойми скорѣй меня
И къ груди прижмися.
На поляхъ страны чужой
Я дышалъ тобою,
Для тебя вѣрно одной,
Возвращенъ судьбою.»
Что же милая его?—
Пробудилась, встала,
И взглянувши на него,
Въ страхѣ задрожала.
—На яву-ли, иль во снѣ
Зрю тебя, мой милый?
Ахъ! не даромъ-же во мнѣ
Сердце пріуныло;
Долго я тебя ждала,
И страдала въ скукѣ,
Сколько слезъ я пролила,

Въ горестной разлукѣ!
И, отчаясь зрѣть тебя,
Быть твоей женою,
Отдалась другому я
Съ клятвой роковою.—
«Ну, тавъ Богъ съ тобой!» сказалъ
Молодецъ удалой,
И къ воротамъ, гдѣ стоялъ
Конь его усталой.
«Ну, сопутникъ вѣрный мой,
Онъ сказалъ уныло,
Нѣтъ травы тебѣ родной,
Нѣтъ мнѣ въ свѣтѣ милой.
Словомъ, сѣлъ онъ на гнѣдка,
Шевельнулъ удою,
Далъ онъ шпоры подъ бока,—
Быстрый конь стрѣлою
Полѣтѣлъ въ обратный путь,
Отъ села роднаго;
Но тоска терзала грудь
Казака младова.
Онъ въ послѣдній разъ взглянулъ
Въ ту страну родиму,
И невольно воздохнулъ,
Скрылся въ даль незриму.
Что и родина, коль нѣтъ
Ни друзей, ни милой?

Ахъ! тогда намъ цѣлый свѣтъ,
Кажется могилой.

Лучина.

Лучина, лучинушка березовая!
Что же ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
Или ты, лучинушка, въ печи не была?
Или ты, лучинушка, не высушена?
Или свекровь лютая водой подлила?
Подружки, голубушки! ложитеся спать,
Ложитеся, подруженьки, вамъ некого ждать.
А мнѣ, молодешенькѣ, всю ночку не спать,
Всю ночку не спать, постелюшку стлать,
Постелюшку стлать, мила дружка ждать.
Первый сонъ заснула я, мила друга нѣтъ,
Другой сонъ заснула я, сердечнаго нѣтъ,
Третій сонъ заснула я, заря бѣлый свѣтъ.
По бѣлой по зоренькѣ мой милой идетъ.
Сапожки на ножкахъ поскрипываютъ,
Соболина шуба пошумливаетъ.
На шубкѣ пуговки погремливаютъ.

Ѣхавъ казакъ за Дунай.

Ѣхавъ казакъ за Дунай, сказалъ дивчинѣ прощай
«Ви конеки вороненьки, несись да гуляй»
—Постой, постой казаче! твоя дивчина плаче;
Якъ ти мене покидаешь, тилько подумай.
«Билыхъ ручекъ не ломай, ясныхъ очей не стирай,
Мене съ войны съ славою къ себѣ ожидай.»
Не хочу я ничего, тилько тебе одного,
Ти будь здоровъ, мій милинькій, а все пропадай!
«Царска служба, долгъ воинскій,
Ихать мнѣ пора до війска,
Шобъ границы защищать
Отъ лютыхъ враговъ.
— О мій милій, мій сердечный!
Коли жъ рокъ судивъ такъ вѣчный,
Ти на войну поѣзжай,
Мене не забудь.—
«О я жъ тебе не забуду,
Пока живъ на свити буду;
Коли жъ умру на войнѣ,
«Поплачь обо мнѣ.
— Ни слеза съ очей не канетъ,
Въ свити тебе якъ не станетъ,
Коли жъ врагъ тебе убье
Убье и мене.—

Ахъ вы сѣни мои, сѣни,

Ахъ вы сѣни мои, сѣни,
Сѣни новыя мои,
Сѣни новыя кленовыя,
Рѣшетчатыя!
Ужь какъ знать-то мнѣ по сѣнямъ
Тѣмъ не хаживати.
Мнѣ мила дружка за рученьку
Не важивати!
Выходила молода
За новыя ворота,
За новыя, дубовыя
За рѣшетчатыя.
Выпускала сокола
Изъ праваго рукава:
Ты лети, лети соколъ
Высоко, далеко,
И высоко, и далеко,
На родиму сторону.

Я въ пустыню удаляюсь,

Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ;
Сколько горестей смертельныхъ
Мнѣ въ разлукѣ должно снесть! (2.)

Оставляю градъ любезный,
Оставляю и того,
Кто на свѣтѣ мнѣ милѣе
И дороже мнѣ всего! (2.)

Премѣнить нельзя предѣла,
Нельзя страсти истребить;
Знать судьба мнѣ такъ велѣла,
Чтобъ одной въ пустынѣ жить! (2.)

Въ тѣхъ мѣстахъ уединенныхъ,
Воображать буду тебя;
О, надежда мыслей плѣнныхъ,
Ты тревожишь здѣсь меня!! (2.)

Повсечасно буду плакать
И тебя воспоминать;
Ты старайся, мой любезный,
Взоръ несчастной забывать! (2.)

Ужь вздыхаешь и тоскою
Пособить не можно намъ,
Коль несчастны мы судьбою
И противны небесамъ! (2.)

Здѣсь собранья, здѣсь веселья,
Здѣсь всѣ радости живутъ;—

А меня на зло мученья
Въ мѣста страстныя влекутъ! (2.)

Уменьши мое мученье
И въ разлукѣ тѣмъ увѣрь;
Не забудь меня несчастну.
Тѣмъ тоску мою умѣрь! (2.)

Знаю, что и ты страдаешь
И вздыхаешь обо мнѣ;
Но и ты знай, мой любезный,
Что я мучусь по тебѣ! (2.)

Ахъ, прости, прости любезный!
Разлучили насъ съ тобой;
Не забудь меня несчастну,
И не будь плѣненъ иной! (2.)

Солнце на закатѣ,

Солнце на закатѣ,
Время на утратѣ;
Сѣли дѣвки на лужокъ
Гдѣ муравка и цвѣтокъ.
Гдѣ мы вечеромъ рѣзвились,
Въ хороводѣ веселились;

Нутка, приметесь опять
Ту-жъ игорку продолжать.
Собирались, разыгрались,
На лужку всѣ расплясались,
При пріятной тишинѣ,
Подъ березкою однѣ.
Вдругъ сталъ слышенъ голосокъ,
Раздалось эхо въ лѣсокъ;
Ахъ, красавица милая,
Свѣтикъ, радость дорогая!
Гдѣ ты, гдѣ ты, ай ау?
Безъ тебя я здѣсь умру!
Твой глазокъ меня не видитъ,
Знать, онъ нынѣ не навидитъ.
Вдругъ всѣ дѣвки спохватились
И домой всѣ воротились.
Лишь Анютушка дружекъ,
Тутъ присѣла на лужокъ;
Изъ цвѣтовъ вѣнокъ вила,
Будто милаго ждала.
Но успѣла сплесть въ пучки,
Какъ выходитъ изъ за рѣчки
Парень милой, паренекъ
У Анюты сердце ёкъ;
Щечки розаномъ покрылись,
Сердце сердцу покорилось.
Ахъ, любовь,—счастье одно,
Отъ природы намъ дано.

Пью за здоровье Мери.

Пью за здоровье Мери,
Милой Мери моей!
Тихо заперъ я двери,
И одинъ безъ гостей,
Пью за здравіе Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой Пери;
Но нельзя быть милѣй
Рѣзвой ласковой Мери.

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливыхъ дней
Пусть не вѣдаетъ Мери.

Въ селѣ Ванька малый жилъ.

Въ селѣ Ванька малый жилъ:
Ванька Таньку полюбилъ. (2)
Тпру, ну, га, го, га, го,
Ванька Таньку полюбилъ. (2)

Ванька съ Танькою сидитъ,

Танька Ванькѣ говоритъ: (2)
Тпру, ну, га, го, га, го,
Танька Ванькѣ говоритъ (2).

«Ванька, соколъ дорогой,
Танькѣ пѣсенку пропой».
Тпру, ну, га, и проч.

Ванька дудочку беретъ,
Танькѣ пѣсенку поетъ.
Тпру, ну, га, и проч.

Ванька коника купилъ,
Сивогриваго купилъ.
Тпру, ну, га, и проч.

Въ одноколку заложилъ,
Ванька съ Танькой укатилъ.
Тпру, ну, га, и проч.

Онъ держалъ, держалъ его,
Но не выдержалъ его;
Тпру, ну, га, и проч.

Индѣ возжи оборвалъ,
Шереночку потерялъ.
Тпру, ну, га, и проч.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй тоска въ ретиво сердце.
Не сойдетъ туманъ со синя моря
И не выйдетъ грусть зла изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеститъ во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ огонекъ горитъ.
У огня посланъ коверъ шелковый;
На коврѣ лежитъ добрый молодецъ;
Онъ прижалъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ кровь молодецкую.
Подлѣ молодца стоитъ добрый конь;
Онъ копытомъ бьетъ по сырой землѣ,
Будто молвить онъ хочетъ молодцу:
«Ты вставай, вставай, добрый молодецъ!
Ты сѣдлай, сѣдлай коня добраго:
Послужу тебѣ вѣрой, правдою,
Отвезу тебя въ нашу сторону;
Къ отцу, къ матери, къ роду племени,
Къ милымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ».
Тяжело вздохнулъ добрый молодецъ:
Его крѣпка грудь подымается;
Руки бѣлыя опускаются;
Рана смертная растворяется;
Кровь горючая полилась ручьемъ.
Тутъ промолвилъ онъ своему коню:
«Охъ, ты, конь, мой конь, лошадь добрая!

Ты, товарищъ всей моей участи,
Добрый пайщикъ ты службы княжеской!
Ты ступай одинъ въ нашу сторону,
Ты отдай поклонъ отцу, матери,
Милымъ дѣтушкамъ, роду племени;
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое,
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла!...»

Ѣхали ребята изъ Новагорода.

Ѣхали ребята изъ Новагорода,
Красна дѣвица на улицѣ была;
Красна дѣвица на улицѣ была—
Всѣмъ нашимъ ребятамъ по поклону отдала.
Всѣмъ нашимъ ребятамъ по поклону отдала,—
Одному молодчику пониже всѣхъ.
Одному молодчику пониже всѣхъ,—
Отъ того пониже, что получше всѣхъ,
Отъ того пониже, что получше всѣхъ.
Сталъ ее молодецъ выспрашивати,
Сталъ ее молодецъ выспрашивати,

Выспрашивати, выговаривати:
«Какъ тебя, дѣвица, по имени зовуть?»
«Дѣдъ крестилъ: Акулина имя далъ,
Дѣдъ крестилъ: Акулина имя далъ».
—«Акулина душечка! ты радость, жизнь моя!
Акулина, душечка! ты радость, жизнь моя!
Я тебя люблю, за себя замужъ возьму,
Я тебя люблю, за себя замужъ возьму.
Горенку срублю, печь муравлену сложу;
Горенку срублю, печь муравлену сложу;
Столъ сколочу: ножки точеныя,
Ножки точеныя, позолоченыя.»

Я счастливъ какъ съ тобой бываю.

Ясчастливъ, какъ съ тобой бываю,
Ты улыбаешься, какъ май,
Въ твоихъ глазахъ Востока рай,
Глядя на нихъ всегда вздыхаю.

Ты не повѣришь,
Ты не повѣришь,
Ты не повѣришь—
Какъ ты мила!

Ахъ, какъ страшна съ тобой разлука,
Моей пленительной красы!

Считаю скорбные часы,
Лежитъ на сердцѣ злая мука.

Ты не повѣришь,
Ты не повѣришь,
Ты не повѣришь—
Какъ ты мила!

Онъ меня разлюбилъ

Онъ меня разлюбилъ—
Онъ меня погубилъ!
Какъ мнѣ быть, какъ мнѣ жить
Безъ пріюта одной?
Какъ мнѣ быть, какъ мнѣ жить
До могилы сырой?
Безъ него день и ночь
Я какъ мрачная тѣнь;
Безъ него сколько слезъ
Буйный вѣтеръ разнесъ!
И на сердцѣ тоска—
Гробовая доска!
Мать земля разступись!
Божій громъ разразись
Надъ преступной главой —
Ты раздайся грозой!

Душистыя кудри и черныя очи.

Душистыя кудри и черныя очи,
Вы долго, вы долго ласкали меня!
Вы были отрадой мнѣ въ сумракѣ ночи,
И въ блескѣ веселомъ счастливаго дня.
Душистыя кудри и черныя очи,
Кто вами владѣетъ, кто вами живетъ,
Кто васъ лобызаетъ въ видѣніяхъ ночи,
Тотъ днемъ наслажденье въ мечтаніяхъ пьетъ!
Душистыя кудри и черныя очи,
Когда васъ забуду? Когда вы меня
Не будите мучить, ни въ сумракѣ ночи,
Ни въ блескѣ докучномъ печальнаго дня?

Пойду я къ окну души дѣвицы.

Пойду я къ окну души дѣвицы,
Я скажу ей: «люблю черноокая!»
Сердце выкажу,
Душу выскажу,
Душу пылкую—
Молодецкую.

И растворитъ она окно горенки;
Опершись на него, взглянетъ ласково.
И въ глазахъ ея
Я прочту любовь;
Любовь робкую,
Боязливую.

И поймет ъ она грусть молодецкую,
И подастъ въ окно руку смуглую;
И прижму ея
Руку-крошечку
Я къ груди моей
Крѣпко накрѣпко.

Виновата ль ты, что мой батюшка
Не беретъ въ семью къ намъ сиротинушку?
Виноватъ ли я
Что не по сердцу
Аграфена, мнѣ
Дочь десятскаго?

Не видать намъ вѣнца съ тобой, милая!
Не идти жъ противъ воли родительской!
Ужъ и такъ въ селѣ
Рѣчь не добрую
Про меня, вишь, велъ
Дядя-староста.

Все бы снесъ за тебя, раскрасавица,
Да страшна молва деревенская!
Осмѣютъ тебя
Люди добрые:
Зубоскалъ иной
Не поклонится!

А не то
Пойду подъ пулю нѣмецкую;
И въ чужой землѣ
Лягу на полѣ
За святую Русь,
За Царя-отца?

Подойду жъ я къ окну дѣвицы,
И скажу ей: «люблю, черноокая!»
Сердце выкажу,
Душу выскажу,
Душу пылкую—
Молодецкую.

Горныя вершины.

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной;
Тихія долины,
Полны свѣжей мглой;
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы;
Подожди немного—
Отдохнешь и ты.

Крамбамбули.

Крамбамбули, отцевъ наслѣдство,
Питье любимое у насъ,

утѣшительное средство,
Когда взгруснется намъ подъ часъ:
Тогда мы день и ночь, люли!
Готовы пить крамбамбули!
Крамбамбамбули!
Крамбамбули!

Когда случится намъ заѣхать
На грязный постоялый дворъ:
То не садясь никакъ обѣдать,
Какъ къ рюмкамъ обратимъ свой взоръ
Тогда мы день и ночь, люли!
Готовы пить крамбамбули!
Крамбамбамбули!
Крамбамбули!

Якъ была я молоденька.

Якъ была я молоденька
Не знала ничего;
Я думала, что любити
Не буду никого;
Я думала, что любити
Не буду никого.

А теперь, а теперь я
Признаюся мужу:

Полюбила гусаренька
Яки свою душу,
Полюбила гусаренька
Яки свою душу.

Батька добрый, батька добрый,
А лихая мати
Не пускаетъ за вороты
Съ милымъ погуляти;
Не пускаетъ за вороты
Съ милымъ погуляти.

Лѣтъ пятнадцати.

Лѣтъ пятнадцати не болѣ
Лиза погулять пошла,
И, гуляя въ чистомъ полѣ,
Птичекъ гнѣздышко нашла.

Птичекъ маленькихъ, прекрасныхъ,
Что амурами зовутъ.
Ахъ! хочу спасти несчастныхъ,
Не то въ полѣ пропадутъ.

Какъ задумала—связала
Лиза въ свой платочекъ ихъ,
И, пришедъ домой, казала
Птичекъ маменькѣ своихъ.

«Брось ихъ, Лиза, изъ окошка
Брось, негодная, тотчасъ!»
—«Ахъ, маменька, вѣдь кошка
На дворѣ такъ спитъ у насъ!»..

Лиза глазки голубые
Вдругъ задумала закрыть:
Вспорхнули амуры злые,
Начали ее будить.

Вы, которые хотите
Насъ любовью поразить,
Надъ амуромъ не шутите:
Онъ къ вамъ птичкой залетитъ.

Ахъ, что на небѣ свѣтло.

Ахъ, что на небѣ свѣтло,
А на сердце вдвое,
Солнце красное взошло
Съ западу другое.
Вышла радость на крыльцо
Въ аломъ сарафанѣ,
И горитъ ея лицо
Какъ заря румяна.

Отъ чего же на щекахъ
Выступила краска,

И красотка въ хоромяхъ,
Опустила глазки?
Парень входитъ на крыльцо,
Въ голубомъ кафтанѣ,
И горитъ ея лицо,
Какъ заря румяна.

«По тебѣ, моя душа!
Сохнетъ ретивое.
Вмѣстѣ жизнь—такъ хороша!
Розно—горя вдвое!
Ахъ, зачѣмъ ужъ есть кольцо
На рукѣ Татьяны,
И горитъ ея лицо,
Какъ заря румяна?»

—«Участь горькую терплю,
Плачу да скучаю.
Одного тебя люблю,
Въ пѣсняхъ величаю».
Парень обнялъ горячо
Милую Татьяну—
И горитъ ея лицо,
Какъ заря румяна...

Ой, бувъ, да нема.

Ой, бувъ, да нема
Якъ поѣхавъ до Млина,
Моя бѣдна головенька
Сома спать легла.

Ой, бувъ, да нема,
Поѣхавъ на рѣчьку,
Щобъ ему не потонуть,
Поставлю я свѣчку.

Яжъ не топила,
Яжъ не варила,
По воду не пошла,
Ведра побила.

Яжъ не побила
Да постановила,—
Съ горы покатились
И сами разбились.

Дѣвчина моя—
Переяславка!
Дай же мене вечеряты,
Моя ластовка!

Улане, улане.

Улане, улане,
Малеваны дѣти!
Не одна дѣвчина,
За вами полети.

Ни одна дивчина
Ни одна и вдова
За вами, улане,
Летѣти готова.

Улане, улане,
Сивы кони майтесь
Я до васъ пристану—
Ничѣмъ не кохайтесь.

Ой, не разъ, не два
Я съ тобой стояла,
Да николи жъ тебѣ
Правды не казала.

Течеть рѣчка невеличка
Изъ вишняго саду,
Звала дивка козаченку
Къ себѣ на пораду.

Я пойду, пойду косить.

Я пойду, пойду косить
Во зеленый лугъ,
Ты, коса моя, коса,
Коса острая,
Не тупися ты
О младую траву.

Не влюбляйся ты,
Сердце бѣдное!
Разобьешься ты,
Горемычное!
Какъ коса моя
О горѣлый пень!

Красны дѣвицы
Перемѣнчивы:
Ой! вы, уланы,
Малеваны дѣти,
Не одна паненька
За вами полети;
Не одна и вдова
Полетѣть готова!
Ой! вы, гусары,
Малеваны сани!
Сяду, поѣду
До моей коханы!

Обѣщанья ихъ —
Словно ласточки:
Погостятъ весну —
Да и спрячутся.

Такъ и дѣвица
Намъ сулитъ любовь
Съ ней и счастіе;
Но оглянешься...
Въ черномъ облакѣ
Унеслося все!....

Тройка.

Гремитъ звонокъ и тройка мчится,
За нею пыль вiясь столбомъ:
Вечерній звонъ по малу длится,
Безмолвье мертвое кругомъ.
Вотъ, на пути село большое,
Туда ямщикъ мой поглядѣлъ:
Его забилось ретивое,
И потихоньку онъ запѣлъ:

«Твоя краса меня прельстила,
Теперь мнѣ бѣлый свѣтъ постылъ!
Зачѣмъ, зачѣмъ обворожила,
Коль я душѣ твоей не милъ?

«Не долго пѣснью удалою,
Недолго тѣшить сѣдока:
Ужъ скоро, скоро подъ землею
Сокроютъ тѣло ямщика!»

«По мнѣ лошадушки сгрустятся,
Разставшись, борзыя, со мной;
Онѣ ужъ больше не помчатся
Вдоль по дорожкѣ столбовой.

«И ты, дѣвица молодая,
Быть-можетъ тяжко воздохнешь;
Кладбище часто посѣщая,
Къ моей могилѣ подойдешь.

«Въ тоскѣ, кручинушкѣ сердечной
Лицо къ сырой землѣ склоня,
Промолвишь мнѣ: „въ разлукѣ вѣчной
Съ тобой красавица твоя“!

Въ глазахъ тутъ слезы показались,
Но ихъ бѣднякъ не утиралъ,
Пока до мѣста не домчались—
Онъ волю полную имъ далъ.

Ужъ говорятъ его не стало;
Дѣвица бѣдная въ тоскѣ:

Она безвременно увяла,
Грустя по миломъ ямщикѣ!.....

Ты не пой.

Ты не пой, душа дѣвица,
Пѣснь Италіи златой!
Очаруй меня, пѣвица,
Пѣснью родины святой!
Все родное къ сердцу ближе,
Сердце чувствуетъ живѣй;
Ну! запой же, ну! начни же:
«Соловей мой соловей,
Голосистый соловей!»

Тише, лира! смолкни, лира!
Вотъ пѣвица начала,
И со звуками клавира
Голосъ чудный свой слила.
Я сижу уединенно,
Взоръ покоится на ней...
«Безподобно! несравненно!
Соловей мой, соловей!»

Вотъ рулада за руладой,
Трель за трелью потекли,
И какъ огненною лавой
Сердце, грудь мою прожгли.

Я внимаю восхищенной
Слезы градомъ, изъ очей
Безподобно, несравненно!
Соловей мой, соловей!..

Не отходи отъ меня

Не отходи отъ меня,
Другъ мой, останься со мной!
Не отходи отъ меня,
Мнѣ такъ отрадно съ тобой!
Чище, живѣе, сильнѣй
Мы не умѣемъ любить.

Если же ты предо мной,
Грустно головку склоня:
Мнѣ такъ отрадно съ тобой,—
Не отходи отъ меня!

Лови, лови, часы любви...

Лови, лови, часы любви —
Минуту наслажденья!
Минуту наслажденья!
Метитъ она, любви весна—
Блаженное мгновенье!

Одной весной
Своей красой —

Насъ роза восхищаетъ,
И соловей
Въ тиши ночей
Весною напѣваетъ.

И жизнь мила,
И жизнь свѣтла
Какъ грѣетъ сердце младость!
Любить, любить!
Лобзанья пить,
Вотъ нашей жизни сладость!

Летитъ стрѣлой
Нашъ вѣкъ младой,
Какъ дивное видѣнье!

Лови, лови
Часы любви,
Плѣнительную младость!
Летитъ она,
Такъ пей до дна
Мгновенной жизни сладость!

Разлюби меня.

Разлюби меня, покинь меня,
Доля, долюшка желѣзная!
Опротивѣла мнѣ жизнь моя,

Молодая, безполезная!
Не припомню я счастливыхъ дней,
Не зналъ я ихъ съ младенчества;
Для измученной души моей
Нѣтъ въ подсолнечной отечества.

Слышалъ я, что будто бѣлый свѣтъ
И потомъ житейскихъ бурь и бѣдъ
Не избѣгнулъ съ горькимъ опытомъ;
Рано, рано ознакомился
Я на морѣ съ непогодою;
Поздно, поздно приготовился
Въ бой отчаянный со невзгодою.

Закатилася звѣзда моя,
Вдали мрачная, туманная,
Что слѣдила завсегда меня,
Какъ невѣстка нежеланная!
Не ласкала, не лелѣяла,
Какъ сокровище завѣтное,
Только холодомъ обвѣяла
Какъ измѣнница всесвѣтная.

На зарѣ ты ея не буди.

На зарѣ ты ея не буди!
На зарѣ она сладко такъ спитъ.

Утро дышетъ у ней на груди,
Ярко пышетъ на ямкахъ ланитъ:
И подушка ея горяча,
И горячъ утомительный сонъ,
И, чернѣясь, бѣгутъ на плеча
Косы лентой съ обѣихъ сторонъ.

А вчера у окна въ вечеру
Долго, долго сидѣла она,
И слѣдила по тучамъ игру,
Что́ скользя затѣвала луна.

И чѣмъ ярче играла луна,
И чѣмъ громче свисталъ соловей:
Все блѣднѣй становилась она,
Сердце билось сильнѣй и сильнѣй!

Отъ того-то на юной груди,
На ланитахъ такъ утро горитъ.
Не буди жъ ты ея, не буди,
На зарѣ она сладко такъ спитъ!

Хорошо было глядѣть.

Хорошо было глядѣть, хорошо было смотрѣть,
Мнѣ на любушку свою, на голубушку мою,

И на очи огневыя и на кудри разсыпныя
Любо, любо посмотрѣть, любо, любо поглядѣть.
Кто, бывало, всѣхъ скорѣй, пѣсенъ голосъ
заунывный
Иль веселый, огневой такъ радушно, такъ
охотно
Какъ соловьюшко споетъ, оцѣнитъ поцѣлуемъ,
И оцѣнить поцѣлуемъ и—все въ нихъ она
пойметь.
Не цвѣсти цвѣтамъ зимой, не сродниться мнѣ
съ другой.
Сердце знаетъ, что теряетъ невозвратно на-
всегда...
Солнце дважды не восходитъ, счастье дважды
не приходитъ:
Не придетъ моя весна, не взойдетъ моя заря!
Не воротится назадъ, что течетъ весной въ
моря;
Пѣсенъ звучныхъ не услышу, свѣтлыхъ взо-
ровъ не увижу;
Но я буду помнить ввѣкъ незабвенную свою,
Незабвенную свою, ненаглядную мою.
Хорошо было глядѣть, хорошо было смотрѣть
Мнѣ на любушку свою, на голубушку мою,
И на очи огневыя, и на кудри разсыпныя!
Любо, любо посмотрѣть, любо, любо поглядѣть.

Если бъ, сердце, ты лежало
На рукахъ моихъ:
Все качала бы, качала
Я тебя на нихъ,
Будто мать дитя родное
Съ тихою мольбой,
И заснуло бъ, ретивое,
Ты передо мной.

А теперь, въ груди сокрыто,
Заперто въ тюрьму,
Ты не доступно, ты открыто
Одному ему!
Но не видитъ онъ печали...
Какъ же съ этимъ быть?
Позабыть его?.. Едва ли
Можно позабыть.

Мчатся годы, грусть все та же,
Тѣ же все мечты;
Сердце, сердце! да когда же
Здѣсь умолкнешь ты?

Люди добрые внемлите.

Люди добрые внемлите
Печали сердца моего,

Мою скорбь вы всѣ поймите,
Грустно жить мнѣ безъ него!

Онъ меня разлюбилъ!
Онъ меня погубилъ!

Мнѣ отрадно въ жизни было,
Какъ въ любви мнѣ клялся онъ;
Но мнѣ въ жизни все постыло,
Жизнь прошла какъ милый сонъ!

Онъ меня разлюбилъ!
Онъ меня погубилъ!

Меня, дѣву молодую,
Пожалѣйте сердцемъ всѣ;
Пойте пѣсню гробовую!
Пойте память вѣчну мнѣ!

Онъ меня разлюбилъ!
Онъ меня погубилъ!...

Она катилась.

Она катилась, я смотрѣла
Съ участьемъ тайнымъ ей во слѣдъ,
И дошептать ей не успѣла
Мое желанье, мой обѣтъ.

Она скатилась—и пропала
Затѣмъ падучею звѣздой;
Богъ не судилъ быть, я мечтала,
Мнѣ не далъ воли съ быстротой!

Подобно ей, и я могла бы,
Покинувъ недойденный путь;
Подобно ей, и я могла бы
Летѣть, умчаться, ускользнуть!

Гдѣ ты, звѣздочка.

Гдѣ ты, звѣздочка?
Гдѣ ты ясная?
Иль затмилася
Тучей мрачною?

Гдѣ ты, дѣвица?
Гдѣ ты, красная?
Иль покинула
Друга милаго?..

И я съ горести,
Со лютой тоски,
Пойду во поле,
Поле чистое:

Не увижу ли
Ясной звѣздочки?

Не повстрѣчу ли
Красной дѣвицы?

Туча черная
Скрыла звѣздочку...
Земля хладная
Взяла дѣвицу!...

Отойди, не гляди.

Отойди, не гляди,
Скройся съ глазъ ты моихъ,
Сердце ноетъ въ груди,
Нѣту силъ никакихъ!
Отойди, отойди!»
—«Для меня ли твоя красота?
Посуди, денегъ нѣтъ у меня:
Одинъ крестъ на груди!
Мнѣ блаженства съ тобой
Не дадутъ, не дадутъ,
А тебя съ красотой
Продадутъ, продадутъ!—
Отойди, отойди!
Иль играть хочешь ты
Моей львиной душой,
И всю власть красоты
Испытать надо мной.
Нѣтъ, съ ума я сойду,

Обожая тебя!
Отойди, не гляди,
Скройся съ глазъ ты моихъ!
Сердце ноетъ въ груди —
Нѣту силъ никакихъ!»

Люби меня.

Люби меня, люби меня!
Безъ тебя мнѣ свѣтъ не свѣтъ,
Безъ тебя мнѣ день не день,
Безъ тебя душа скорбна,
Безъ тебя мнѣ въ сердцѣ смерть:
Люби меня, люби меня!

Люби меня, люби меня!
Мнѣ съ тобою ясенъ свѣтъ,
Мнѣ съ тобою чуденъ день,
Мнѣ съ тобой душа полна,
Мнѣ съ тобою въ сердцѣ рай:
Люби меня, люби меня!..

У Антона Дочька.—

У Антона дочка —
Дѣвка молодая,
Очи голубыя,
Славныя такія!

Выпьемъ, что ли, Ваня,
Съ холоду да съ горя?
Говорятъ, что пьянымъ
По колѣно море.

Да! богатъ онъ, Ваня,
На отрѣзъ откажутъ,
Вѣдь со стыда сгоримъ, братъ,
Какъ на дверь укажутъ.

Что ты ей за пара?
Ветхая избушка!
А оброкъ-то, Ваня?
А кормить старушку?

Выпьемъ, что ли, съ горя?
Эхъ, братъ, да едва ли
Бѣдному за кружкой
Позабыть печали?

Была бабулька.

Была бабулька
Родъ богатенька,
Фонъ-джа, фоне-джига, джига,
Джинчура!
Гопъ-га!
Гопленьки бабульки,

Гуплясумъ, бабулясумъ,
Была бабулька.
Того.

Были у бабульки
Трое козлятокъ.
Фоне-джа и т. д.

Была у бабульки
Гарна дивчина.
Фоне-джа и т. д.

Были у бабульки
Червоны доброжы.
Фоне-джа и т. д.

Ахъ, разумѣешь ли.

Ахъ, разумѣешь ли,
Разумѣешь ли ты,
Жизнь, да ты жизнь,
Ахъ! да ты ли жизнь,
Да жизнь душа моя?

Ахъ, какъ во моемъ,
Во моемъ саду,
Въ садикѣ саду соловей,
Соловей поетъ,
Громко свищетъ,

Ахъ, ты злодѣй,
Ты злодѣй, злодѣй,
Злодѣй, добрый молодецъ,
Ты ли добрый молодецъ,
Добрый молодецъ!

Ахъ, какъ полюбя,
Полюбя-то дружка,
Разстаться мнѣ съ нимъ не хотѣлось,
Мнѣ съ нимъ не хотѣлось,
Не хотѣлося.

Полюби меня.

Полюби меня, дѣва милая,
Радость дней моихъ, ненаглядная!
Если бъ знала ты весь огонь любви,
Всю тоску души моей пламенной?

Грустно въ мірѣ жить одинокому,
Безъ любви твоей, дѣва милая!
Полюби меня, черноокая,
Ты, звѣзда души беззакатная!

И любовь твоя обовьетъ меня
Своимъ пламенемъ упоительнымъ.
Я умру тогда смертью чудною,
И завидною даже рыцарямъ!

Ахъ скучно, матушка.

Ахъ, скучно, матушка,
Мнѣ весной жить одной!
Ахъ, не отъ того ль тошнѣй,
Что нейдетъ ко мнѣ милой?
Ужъ я со горя,
Со горя, со кручины молода
Пойду ли, выйду,
Выйду ль на крылечко, посмотрю:
Вдоль по улицѣ мятелица мететъ,
За мятелицей мой миленькой идетъ,
«Ты постой, постой, красавица моя!
Дай мнѣ наглядѣться,
Радость, на тебя!

По садочку хожу.

По садочку хожу,
Да щипаю вишни,
Послѣ добра человѣка
Такъ имаю мысли.
Щобъ горилко винъ не пивъ,
Табаки не нюхавъ,
Чужихъ жинокъ не любивъ,
Да все мине слухавъ.
Чрезъ садъ, виноградъ
Я листы носила,

Чему жъ ты мнѣ не купивъ,
Чего я просила?

Я просила у тебе
Купи черевички;
А ты жъ меня отказавъ,
Ички невелички.

Я просила у тебе,
Купи мнѣ запаски,
А ты жъ меня отказала,
Утирая глазки.

Заковала зозуленка,
Сѣдучи на свеклѣ,
А кто любить чужихъ жинокъ,
Будетъ душа въ пеклѣ.

Мужъ горылку дуже пье,
Табаки винъ нюхавъ,
Чужихъ любить, мене бье,
Николи не слухавъ.

Какъ на матушкѣ на Нѣвѣ-рѣкѣ.

Какъ на матушкѣ на Невѣ-рѣкѣ,
На Васильевскомъ славномъ островѣ,
Какъ у пристани корабельныя,
Молодой матросъ корабли снастилъ,
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Тонкихъ, бѣлыхъ полотняныхъ.
Что изъ высока нова терема,
Изъ косящатаго окошечка,
Изъ хрустальныя изъ оконенки,
Усмотрѣла тутъ красна дѣвица,
Красна дѣвица, дочь купецкая;
Усмотрѣвши вышла на берегъ,
На Неву-рѣку воду черпати!
Почерпнувъ, ведры поставила,
Что поставивши слово молвила:
«Ахъ ты душечка, молодой матросъ?
Ты зачѣмъ рано корабли снастишь,
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ.
Тонкихъ, бѣлыхъ полтняныхъ?»
Какъ отвѣтъ держитъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, молодой матросъ:
— Ахъ, ты гой еси красна дѣвица,
Красна дѣвица, дочь купецкая!
Не своей волей корабли снащу,

По указу я Государеву,
По приказу Адмиральскому. —
Подняла ведра красна дѣвица,
Поднявши, сама ко двору пошла.
Изъ-подъ камня изъ-подъ бѣлова,
Изъ-подъ кустика изъ-подъ ракитова
Не огонь горитъ, не смола кипитъ,
Что кипитъ сердце молодецкое,
Не по батюшкѣ, не по родной сестрѣ,
Но по душечкѣ красной дѣвицѣ.
Перепала ли ему вѣсточка,
Красна дѣвица не мощна лежитъ;
Послѣ вѣсточки скоро грамотка,
Красна дѣвица переставилась!
Я пойду теперь на конюшій дворъ,
Я возьму коня, что ни лучшаго,
Что ни лучшаго, само добраго,
Я поѣду ли ко Божьей церкви,
Привяжу коня къ колоколенкѣ.
Самъ ударюсь объ сыру землю:
«Разступись ты, матьсыра земля'
И раскройся ты, гробова доска,
Развернись ты, золота парча,
Пробудись ты, красна дѣвица,
Ты простись со мной, съ добрымъ молодцомъ,
Съ добрымъ молодцомъ, съ другомъ милымъ,
Съ твоимъ вѣрнымъ полюбовникомъ.

Внизъ по матушкѣ по волгѣ.

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкому раздолью,
Разыгралася погода,
Погодушка верховая,
Верховая, волновая.
Ничего въ волнахъ не видно,
Одна лодочка чернѣетъ,
Никого въ лодкѣ не видно,
Только парусы бѣлѣютъ,
На гребцахъ шляпы чернѣютъ,
Кушаки на нихъ алѣютъ.
На кормѣ сидитъ хозяинъ,
Самъ хозяинъ во нарядѣ,
Во коричневомъ кафтанѣ,
Во гризетовомъ камзолѣ,
Въ аломъ шелковомъ платочкѣ,
Въ черномъ бархатномъ картузѣ.
Ужъ какъ взговоритъ хозяинъ:
«Мы пригрянемте, ребята,
Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
Ко Аленену подворью.»
Аленушка выходила,
Таки рѣчи говорила:
— Не прогнѣвайтесь, пожалуй,
Въ чемъ ходила, въ томъ и вышла;

Не закрытая фатой
И въ кумачной тѣлогрѣйкѣ.

Ивушка.

Ивушка, ивушка зеленая моя!
Что же ты, ивушка не зелена стоишь?
Или тебя ивушка, солнышкомъ печетъ;
Солнышкомъ печетъ, частымъ дождичкомъ сѣчетъ?
Ѣхали ребята изъ Новагорода,
Срубили ивушку, подъ самый корешокъ,
Стали они ивушку потесывати,
Сдѣлали изъ ивушки два весла,
Два весла, третью лодочку!
Сѣли они въ лодочку поѣхали домой,
Взяли подхватили красну дѣвицу съ собой;
Стали они дѣвушку спрашивати:
«Дѣвица, дѣвица, красавица моя
Что же ты дѣвица не весело сидишь,
Или ты красная думаешь о чемъ?»
Какъ же мнѣ дѣвицы веселой быть,
Какъ же мнѣ красной не задумываться!
Меньшу сестру прежде замужъ выдаютъ,
Меньша сестра чѣмъ же лучше меня,
Лучше меня и вѣжливѣе!

Меньша сестра вѣдь ни ткать, ни прясть,
Ни ткать, ни прясть, только по воду ходить,
По воду ходить, со горы ведры катить,
Качу я, покачу со горы ведры,
Станьте вы ведерочки, полнымъ полны,
Полнымъ полны со краями ровны!

Мы живемъ среди полей.

Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ:
Но счастливѣй, веселѣй
Всѣхъ вельможъ могучихъ.
Наши дѣды и отцы
Намъ примѣромъ служатъ,
И цыгане, молодцы,
Ни о чемъ не тужатъ.

Гей, цыганы! гей, цыганки!
Живо, веселѣе! (2).

Мы на горе не глядимъ,—
Все съ весельемъ сносимъ;
Хоть по суткамъ не ѣдимъ,—
Но не жнемъ, не косимъ;
Вмѣстѣ съ солнцемъ не встаемъ

Для дневной работы,—
Лишь проснемся и—поемъ.
Нѣтъ у насъ заботы.

Гей, цыганы! гей,
Живо, веселѣе! (2).

У цыгановъ круглый годъ
Праздникъ—новоселье;
Имъ покровъ—небесный сводъ,
А земля постеля.
Зимній холодъ не бѣда,—
Въ кругъ огня засѣли;
И не страшны намъ тогда
Вьюги и мятели.

Гей, цыганы! гей, цыганки!
Живо, веселѣе! (2).

И нѣтъ въ мірѣ очей.

И нѣтъ въ мірѣ очей
И прекраснѣй, чернѣй
Какъ его, какъ его;
И любезныхъ рѣчей
Нѣтъ пріятнѣй, звучнѣй
Ничего, ничего.

Взглянетъ — сердце кипитъ
Скажетъ — въ душу летитъ
Какъ стрѣла, какъ стрѣла!
День и ночь имъ однимъ
Любовалась бы имъ
Имъ жила, имъ жила!

Не забыла бъ его
И любила бъ его
Я всегда! Я всегда!
Мнѣ ль его разлюбить,
Мнѣ ль его позабыть —
Никогда, никогда!

Соловей, мой соловей.

«Соловей мой, соловей,
Голосистой, молодой
Ты куда, куда летишь,
Куда Богъ тебя несетъ?»
— «Я лечу, лечу, лечу
На выхожія мѣста,
Во ракитовы куста,
Кабы кусточекъ не милъ,
Соловей гнѣзда бъ не вилъ.
Кабы дѣвка не мила,
Не любилъ бы ее я;
Ея личико спишу,

На бумагѣ напишу.
Генералъ ты мой, генералъ,
Ходилъ, гулялъ по горамъ,
Красавицы не видалъ,
Генералъ ты мой, поручикъ,
Мой сизенькой голубчикъ,
Сними моего милаго
Съ караула крѣпкаго.

Я скромна тиха, уединенна.

Я скромна, тиха, уединенна,
Цѣлый день сижу одна;
И сижу обыкновенно
Предъ каминомъ у огня.

Это мѣсто для дѣвицы
Неприличное ничуть,—
Такъ за что жъ меня сестрицы
Замарашечкой зовутъ?

Но пускай онѣ бранятся,
А я буду все молчать;
Будетъ время,—постыдятся
Замарашечкою звать.

Зачѣмъ, искорка, упала
Изъ камина ты сюда?

Тамъ бы больше ты пылала,
Теперь тухнешь навсегда.

Я вздохну,—ты потухаешь;
Кто вздохнетъ здѣсь обо мнѣ?
Жалокъ тотъ, кто остается
Въ чужедальной сторонѣ!

Что ты рано травушка.

Что ты рано, травушка,
Рано, пожелтѣла?
Рано цвѣтики,
Рано облетѣли?

Что же ты, красавица,
Похудѣла?
Впалы алы щеченьки,
Поблѣднѣли?

Не успѣли цвѣтики
Распуститься,—
Ужъ ихъ злая засуха
Поѣдаетъ!

Не успѣла я съ дружкомъ
Обручиться—,

Ужъ онъ меня, бѣдную,
Покидаетъ.

Размолодчики да дружки.

Размолодчики, да дружки мои,
Ахъ, ваши ласковы
Да пріятны сердцу слова
Безъ огня мое сердце во мнѣ
Зажгли!

Ахъ, кто бы, кто бы моему горю-горюшку
Помогъ?

Ахъ, кто бы, кто бы дружка милаго мнѣ
Воротилъ?

Ты злодѣй, ты злодѣй! чужедальна, дальна
сторона!

Друзья я не довѣрчивъ сталъ

Друзья, я недовѣрчивъ сталъ
Къ любви плѣнительнымъ напѣвамъ;
Я имъ ужъ вѣрить пересталъ,
И красотѣ, и милымъ дѣвамъ.

Не вѣрю льстивымъ я рѣчамъ,—

Слова насъ часто обольщаютъ,
Глаза обманчивы бываютъ.
Не вѣрю милымъ я глазамъ,—

Не вѣрю сердцу никакому,—
Во всѣхъ я нахожу сомнѣнье!
Лишь поцѣлую одному,
Повѣрю я безъ сожалѣнья.

Ахъ, да не вечерняя заря,

Ахъ, да, не вечерняя то заря,
Ахъ, заря, заря потухала,
Потухать стала.

Ахъ, какъ ты, заря,
Съ поля намъ убраться,
Съ поля намъ убраться не дала.

Ахъ, да вы подайте-ка мнѣ, братцы,
Тройку сѣропѣгихъ,
Сѣропѣгихъ лошадей.

Обманула, провела.

Обманула, провела,
Мимо Царскаго-Села,
Села стеганула.

Пріѣзжай, дружокъ, скорѣй!
При тебѣ жить веселѣе,
Какъ-то повольнѣе.

Повольнѣе, другъ сердечный,
Люблю тебя вѣковѣчно,
Очень неразлучно.

Разлучила, развела,
Чуже-дальна сторона,
Она незнакома.

Незнакомая сторонка,
Петербургская дорожка,
Дорожка большая!

Обманула, провела
Мимо Царскаго-Села,
Села стеганула!

Какъ доселѣ, у насъ, братцы

Какъ доселѣ у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ,
Какъ никто у насъ, братцы, не прохаживалъ,
Непрохаживалъ тутъ, братцы, младъ ясенъ соколъ,
Не пролетывалъ тамъ, братцы, ни сизой орелъ;
А какъ нынче у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ

Пролегла, лежитъ, широкая дороженька,
Что по той ли по широкой по дороженькѣ,
Проѣзжалъ тутъ удалой, добрый молодецъ.
На зарѣ-то было, братцы, да на утренней,
На восходѣ тобыло, братцы, краснаго солнышка,
На закатѣ-то было, братцы, свѣтлаго мѣсяца;
Какъ убитъ лежитъ удалой, добрый молодецъ,
Что головушка у молодца проломана,
Ретивое сердце у молодца прострѣлено,
Что постелюшка подъ добрымъ молодцомъ—
камышъ-трава,
Изголовьице подъ молодцомъ—частъ ракитовъ
кустъ.
Одѣялишко на молодцѣ—темная ноченька,
Что темная ноченька, холодная, осенняя.
Прилетали ко доброму молодцу три ласточки,
Изъ нихъ первая садилась на буйной главѣ:
А другая-то садилась на скорыхъ ногахъ;
Ахъ, какъ третія садилась на бѣлой груди,
Что какъ первая-то пташка,—родная матушка;
А другая-то пташка-то,—мила сестра,
Ужъ какъ третья-то пташка,—молода жена,
взяли мертвое тѣло за бѣлы руки,
Понесли онѣ то тѣло во высокъ теремъ;
Его матушка плачетъ—что рѣка льется,
А родная сестра плачетъ—какъ ручьи текутъ.
Молодая жъ жена плачетъ—какъ роса падетъ;

Когда солнышко взойдетъ, росу высушитъ,
Какъ замужъ она пойдетъ, то забудетъ его.

Во селѣ дѣвчина счастлива жила.

Во селѣ дѣвчина счастлива жила,
Всѣхъ рѣзвѣй дѣвушекъ она бывала;
Грусти и печали она не знавала,
Всегда бывала ѣзва, весела.

Вдругъ пріуныла, въ бесѣды не ходитъ,
Только груститъ, хороводы не водитъ;
Цѣлыя ночи въ слезахъ лишь проводитъ,—
Что́ жъ за причина печали ея?

То, что въ мазуркѣ уланъ проявился:
Рѣзвенькой дѣвочкѣ онъ полюбился;
Вотъ отъ чего у ней нравъ измѣнился:
Эта любовь часто сводитъ съ ума.

Охъ, болитъ.

Охъ, болитъ!
Что болитъ?
Сердце.
А по комъ?
Все по немъ,
Все по миленькомъ моемъ,

Каждый часъ
По сту разъ
Взоры обличаютъ.
Пусть бранятъ,
Говорятъ,
Злые люди,
Что хотятъ.
Какъ мнѣ быть—
Пламя сердца утребить?

Дѣвка платье мыла

Дѣвка платье мыла,
Звонко колотила
Бримбирю!
Бримбишь! мердишь
Хорде! хордаша!
Нутка, верьюхрю!
Ахъ, нутка, верьюхрю!

Миленькій дружочекъ,
Сдѣлай мнѣ валечекъ.
Бримбирю!
Бримбишь! мердышъ!
Хорде! хордаша!
Нутка, верьюхрю!
Ахъ нутка, верьюхрю!

Дѣвица милая,
Напой моего коня.
Бримбирю!
Бримбишь! мердышь!
Хорде! хордаша!
Нутка, верьюхрю!
Ахъ, нутка, верьюхрю!

Среди синя моря,
На камушкѣ стоя,
Бримбирю!
Бримбишь! мердишь!
Хорде! хордаша!
Нутка, верьюхрю!
Ахъ, нутка, верьюхрю!

Изъ подъ камушка быстра рѣчка

Изъ-подъ камушка быстра рѣчка
течетъ:
По бережку добрый молодецъ идетъ!

Ха, ха, ха, ха, ха!
Любитъ милый другъ меня.

Садился на ворона коня,
Уронилъ онъ черну шляпу съ головы

Ха, ха, ха, ха, ха!
Подыми ты, моя милая жена.

Спрошу я молодого соловья,
Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?

Ха, ха, ха, ха, ха! —
Сказалъ молодой соловей.

Молодушкамъ никовалася гульба,
Погулять тебѣ, дѣвица,

Ха, ха, ха, ха, ха,
У родимаго батюшки.

А мы жили на горѣ.

А мы жили на горѣ,
Теперь подъ горою,
Посѣяли кавуны,
Уродились дыни

Бида моё ромале,
Баба моя чиняле.

Кань и эти дыни,
Да поѣли свиньи,

Какъ и эти бавуны
Потоптали табуны.

Бида мои ромале,
Биды моя нивале.

Вечеромъ красна дѣвица

Вечеромъ красна дѣвица
На прудокъ со стадомъ шла,
Черноброва, чернолица,
Такъ гуськовъ домой гнала:

Тега, тега, тега, тега,
Вы, гуськи мои, домой!

Не ищи меня, богатый;
Ты не милъ моей душѣ;
Что мнѣ, что твои палаты —
Съ милымъ счастье въ шалашѣ!

Тега, тега, тега, тега,
Вы, гуськи мои, домой!

Съ нимъ одной любви довольно,
Чтобы вѣкъ счастливой быть;

Но сердечку очень больно —
Черезъ злато слезы лить!

Тега, тега, тега, теґа,
Вы, гуськи мои, домой.

Жилъ былъ у бабушки.

Жилъ былъ у бабушки
Сѣренькій козликъ;

Вотъ какъ, фить какъ,
Сѣренькій козликъ.

Захотѣлось козлику
Въ лѣсъ погулять.

Вотъ какъ, фить какъ,
Въ лѣсъ погулять.

Заѣли козлика
Сѣрые волки.

Вотъ какъ, фить какъ,
Сѣрые волки.

Не стало у бабушки
Сѣраго козлика.

Вотъ какъ, фить какъ,
Сѣраго козлика.

Дружбы нѣжное волненье.

Дружбы нѣжное волненье
Царствуетъ въ душѣ моей,
И мое уединенье
Мнѣ пріятно видѣть въ ней.

Съ нею солнышко свѣтлѣе,
Съ нею травка зеленѣе,
Съ нею осень будетъ май,
Съ дружбой и въ пустынѣ рай.

Если море забушуетъ,
Съ ней я въ пристань приплыву;
Если сердце затоскуетъ —
Друга въ помощь призову.

Упадетъ слеза на рану,
И грустить я перестану;

Другъ мой, будь всегда со мной —
И душѣ дари покой!

Ты ночька, ты ноченька

Ты ночька, ты ноченька
Темная, осенняя!
Голова моя
Побѣдная!

Безъ мила, мила дружка
Обуяла грусть-тоска;
Далеко живетъ
Онъ за рѣченькой!

Ужъ я съ той, я съ той тоски
Разгуляться въ лугъ пойду;
Погулять пойду,
Повидаюсь съ нимъ.

Машетъ милый, машетъ мнѣ
Своей ручкой правой;
Онъ зоветъ меня
На ту сторону!

«Перейди, сударушка,
На мою сторонушку.»

—«Перешла бы я—
Переходу нѣтъ.

Я бы рада перешла;
Переходу не нашла,
Переходъ и есть—
Тонка жердочка?»

Пошелъ козелъ въ огородъ

Пошелъ козелъ въ огородъ (2).

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики
Ахъ! комарики мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.

Поломалъ козелъ лугъ, чеснокъ (2).

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики,
Ахъ! комарики мухи, комари,
Жена мужу бай, говори,

Поведу козла на базаръ (2).

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики,
Ахъ! комарики мухи, комари,
Жена мужу бай, говори,

Продамъ козла за три рубля (2).

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики,
Ахъ! комарики мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.

На рубль куплю я бѣлилъ (2),

Ахъ! чигирики, чегъ, чегирики,
Ахъ! комарики, мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.

На другой куплю румянъ (2),

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики,
Ахъ! комарики, мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.

А на третій сурмилу (2),

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики,
Ахъ! комарики, мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.

На ту пору мужъ на дворъ (2)

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики,

Ахъ! комарики, мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.
Отъ чего жена ты бѣла? (2)

Ахъ! чигирики, чегъ, чигири,
Ахъ! комарики мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.
Муку, сударь, сѣяла (2).

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики,
Ахъ! комарики мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.
Отъ чего жена ты красна? (2)

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики,
Ахъ! комарики мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.
Печку, сударь топила (2).

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики,
Ахъ! комарики мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.

Отъ него, жена, бровь черна? (2)

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики,
Ахъ! комарики мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.

Лучинушку тушила, за бровь себя схватила (2).

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики,
Ахъ! комарики мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.

А гдѣ, жена, нашъ козелъ:

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики,
Ахъ! комарики мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.

Пошелъ козелъ въ гору (2).

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики
Ахъ! комарики мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.

Сломилъ себѣ голову (2)

Ахъ! комарики, мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.

Отъ чего жена ты была? (2)

Ахъ! чигирики, чегъ, чигири,
Ахъ! комарики мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.

Мужу, сударь, сѣяла (2).

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики,
Ахъ! комарики мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.

Отъ чего жена ты красна? (2)

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики,
Ахъ! комарики мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.

Печку, сударь топила (2).

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики,
Ахъ! комарики мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.

Отъ чего, жена, бровь черна? (2)

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики,
Ахъ! комарики мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.

Лучинушку тушила, за бровь себя схватила (2).

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики,
Ахъ! комарики мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.

А гдѣ, жена, нашъ козелъ:

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики,
Ахъ! комарики мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.

Пошелъ козелъ въ гору (2).

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики
Ахъ! комарики мухи, комари,
Жена мужу бай, говори.

Сломилъ себѣ голову (2)

Ахъ! чигирики, чегъ, чигирики,
Ахъ! комарики мухи, комари,
Жена мужа бай, говори.

Ты поди, моя коровушка, домой

Ты поди, моя коровушка, домой!
Ты поди, моя недоеная!

Ахъ! ти ли, ли, калинка моя!
Въ саду ягодка малинка моя!

У насъ горенка не топленая,
Малы дѣтушки некормленыя.

Ахъ! ти ли, ли, калинка моя,
Въ саду ягодка малинка моя!

Ты поди, моя недоеная,
У насъ горенка нетопленая,

Ахъ! ти ли, ли, калинка моя,
Въ саду ягодка малинка моя!

У насъ горенка нетопленая,
Малы дѣти ненакормленыя,

Ахъ! ти ли, ли, калинка моя,
Въ саду ягодка малинка моя!

Малыя дѣти [illegible] накормленныя,
И телята [illegible] поенныя.

Ахъ! ти ли, ли, калинка моя,
Въ саду ягодка малинка моя!

Какъ всѣ-то мужья добры,
Покупили женамъ [illegible] обры.

Ахъ! ти ли, ли, калинка моя,
Въ саду ягодка малинка моя!

А мой мужичекъ, [illegible]
Онъ купилъ мнѣ коровушку.

Ахъ! ти ли, ли, калинка моя,
Въ саду ягодка малинка моя!

Онъ купилъ мнѣ коровушку,
Загубилъ мою головушку!

Ахъ! ти ли, ли, калинка моя,
Въ саду ягодка малинка моя!

Мнѣ моркотно молоденькѣ,
Нигдѣ мѣста не найду!

Ай, люли! ай, люли!
Нигдѣ мѣста не найду.

Хороводы посидѣлки
Опостылѣли всѣ мнѣ.

Ай, люли! ай, люли!
Опостылѣли всѣ мнѣ.

Отъ ѣды младу отбило,
Бражка въ горлышко нейдетъ!

Ай, люли! ай, люли!
Бражка въ горлышко нейдетъ

Все мерещится дѣтинка
На яву мнѣ, иль во снѣ!

Ай, люли! ай, люли!
На яву мнѣ, иль во снѣ!

Сяду прясть я, пряжа рвется,
Донце ѣдетъ подо мной!

Ай, люли! ай, люли!
Донце ѣдетъ подо мной!

Веретено изъ рукъ валится,
Мычки клочьемъ не чешу!

Ай, люли! ай, люли!
Мычки клочьемъ не чешу!

Я дождуся середы,
Какъ наѣдутъ торгаши!

Ай, люли! ай, люли!
Какъ наѣдутъ торгаши!

Накуплю шелку, бумаги
И краснаго кумачу!

Ай, люли! ай, люли!
И краснаго кумачу!

Изъ краснаго кумачу
Я ширянокъ настрочу!

Ай, люли! ай, люли!
Я ширинокъ настрочу!

Подойду къ нему побаиже,
Поклонюсь ему пониже!

Ай, люли! ай, люли!
Поклонюсь ему пониже!

На курочкѣ перьюшко рябое

На курочкѣ перьюшко рябое,
Любилъ моея сердинко обое.

Дыбъ, дыбъ на село,
Кивъ, моргъ на его,
Я ни дивчина его,
Щобъ я шла за него.

Ой! полола дивчина пустырнякъ,
Наколола ноженьку на бодьякъ.

Дыбъ, дыбъ на село,
Кивъ, моргъ на его,
Я ни дивчина его,
Щобъ я шла за него.

Ой! дивчина, дивчина, чья же ты,
Що не выйдешь на улицу гуляты.

Дыбъ, дыбъ на село,
Кивъ, моргъ на его,
Я ни дивчина его,
Щобъ я шла за него.

Садомъ, садомъ, кумасенька.

Садомъ, садомъ, кумасенька,
А я за тобою,
Постоимъ же, поговоримъ,
Кумасе, съ тобою.

Ой! бида, ой! бида,
Я не знавъ що ты кума,
Ой! лихо, що за умъ:
Я забыла, що ты мнѣ кумъ.

Вспомни, вспомни, кумасенька,
Що ты обѣщалась;
Аль у тыя кирпыченька
Гдѣ водица бралась.

Ай! утыя кирпыченька
Да золоты ключи.

Обѣщалась кумасенька,
По воду идучи.

Кажутъ дѣды, кажутъ дьяки,
Кажутъ добры люди,
О кто куму либить буди —
Грѣхъ великій буди.

Тебя забыть, и ты сказала,

Тебя забыть, и ты сказала,
Что сердце можетъ разлюбить:
Ты ль сердце моего не знала?...
Тебя ль забыть, тебя ль забыть!

Тебя забыть? но съ кѣмъ я буду
Здѣсь въ жизни радости дѣлить?
Пусть прежде всѣ меня забудутъ,
Когда рѣшусь тебя забыть.
Тебя ль забыть, тебя ль забыть!

Тебя забыть, пѣснясь другою,
Иль для другой хоть часъ прожить?
Нѣтъ, я рожденъ любимымъ быть
тобою,
Тебя ль забыть, тебя ль забыть

Мнѣ наскучило, дѣвицѣ,

Мнѣ наскучило, дѣвицѣ,
Одинешенькой въ свѣтлицѣ,
Шить узоры серебромъ.
И безъ матушки родимой,
Сарафанчикъ мой любимый,
Я надѣла вечеркомъ.
Сарафанчикъ,
Растеганчикъ!

Въ разноцвѣтномъ хороводѣ,
Я играла на свободѣ,
И смѣялась, какъ дитя!
И въ свѣтлицу до разсвѣта
Воротилась: только гдѣ-то
Разорвала я, шутя,
Сарафанчикъ,
Растеганчикъ!

Долго мать меня журила
И до свадьбы запретила
Выходить за ворота.
Но — за сладкія мгновенья
Я тебя, безъ сожалѣнья,
Оставляю навсегда

Сарафанчикъ,
Растеганчикъ!

Вотъ мчится тройка удалая,

Вотъ мчится тройка удалая
Вдоль по дорожкѣ столбовой,
И колокольчикъ, даръ Валдая,
Гудитъ уныло подъ дугой.

Ямщикъ лихой! онъ всталъ съ полночи,
Ему всгрустнулося въ тиши,
И онъ запѣлъ про ясны очи —
Про очи дѣвицы души:

«Вы очи, очи голубыя,
Вы изсушили молодца!
Зачѣмъ, о люди, люди злые!
Зачѣмъ разрознили сердца?»

Что, ты соловьюшка,

«Что, ты соловьюшка,
Корму не клюешь?
Вѣшаешь головушку,
Песѣнъ не поешь?»

— «Пѣсни соловушку
Въ рощицѣ весной!
Вѣшаю головушку
Въ клѣткѣ золотой,

«На зеленой вѣточкѣ
Весело я жилъ,
Въ золотой же клѣточкѣ
Бѣдный вѣкъ унылъ.

«Зеленой ли вѣточкѣ
Къ пѣснямъ привыкать,
Въ золотой же клѣточкѣ
Соловушкѣ молчать!..

«Зеленая вѣточка
Сердце веселитъ,
Золотая клѣточка
Умереть велитъ.

«Попружка на вѣточкѣ
Тужитъ обо мнѣ,
Стонутъ малы дѣточки
По пѣнья ли мнѣ?

«Отперто окошечко
Въ рощицѣ твоей,

Будь счастливъ, мой крошечка,
Улетай скорѣй!

Я нелюблю ее но отъ чего порою,

Съ невольнымъ трепетомъ я на нее гляжу
Съ невольнымъ трепетомъ я на нее гляжу
И, взоромъ проводя, слѣжу за ней душою
И каждый звукъ ея я въ памяти твержу:
Я не люблю ее!

Я не люблю ее; но отъ чего порою
Ея руки я такъ дотронуться боюсь?
Но чуть слилась ея рука съ моей рукою —
Какъ слабое дитя, я плачу и смѣюсь:
Я не люблю ее!

Я не люблю ее; она того не видитъ,
Душею пламенной мнѣ сильно предана,
Но, Боже! какъ людей она возненавидитъ,
Когда весь хладъ души моей пойметь она:
Я не люблю ее!

Я не люблю ее сердечною любовью,
Но за любовь къ себѣ, за взглядъ ея живой,
Готовъ пожертвовать я всей своею кровью,
Житейскимъ счастіемъ и жизнію самой:
Я не люблю ее!

Какъ у нашихъ у воротъ.

Какъ у нашихъ у воротъ
Стоитъ озеро воды.
Ой, люли! ой люли!
Стоитъ озеро воды.

Молодецъ коня поилъ,
Къ воротикамъ приводилъ.
Ой, люли! ой, люли!
Къ воротикамъ приводилъ!

Къ вереюшкѣ привязалъ,
Красной дѣвкѣ наказалъ:
Ой, люли! ой, люли!
Красной дѣвкѣ приказалъ!

Красна дѣвица душа!
Сбереги добра коня.
Ой, люли! ой, люли!
Сбереги добра коня!

Сбереги добра коня,
Коня тысячнаго.
Ой, люли! ой, люли!
Коня тысячнаго!

Не сорвалъ бы повода,
Не сломилъ бы удила,

Ой, люли! ой, люли!
Не сломилъ бы удила!

Красна девица идетъ,
Словно лебедь выплываетъ,

Ой, люли! ой, люли!
Словно лебедь выплываетъ!

На ней платье голубое,
Лента алая въ косѣ,

Ой, люли! ой, люли!
Лента алая въ косѣ!

На головушкѣ перо,
Хоть пятьсотъ рублей дано.

Ой, люли! ой, люли!
Хоть пятьсотъ рублей дано!

Хоть пятьсотъ рублей дано,
Стоитъ тысячи оно.

Ой, люли! ой, люли!
Стоитъ тысячи оно.

Дѣвицы если не хотите.

Дѣвицы! если не хотите
Подвергнуться любви бѣдамъ,
Съ признательностью пріимите
Совѣтъ, который я подамъ.

Полезно вамъ на то рѣшиться,
Не труденъ вовсе мой совѣтъ;
Вся сила, что-бъ не ошибиться,
Гдѣ да! сказать, гдѣ молвить нѣтъ.

Отъ соблазнителя бѣгите,
Не слушайте ихъ льстивыхъ бредъ,
На нихъ съ презрѣньемъ посмотрите
И молвите холодно: нѣтъ!

Коль станетъ увѣрять васъ въ страсти
Старикъ, забывъ что дряхлъ и сѣдъ,
Посмѣйтеся его напасти:
Нѣтъ! дѣвушки, скажите нѣтъ!

Когда богачъ захочетъ звономъ
Прельстить васъ золотыхъ монетъ,
Не дорожите милліономъ
И Крезу говорите: нѣтъ!

Когда же юноша любезный,
Прелестный, милый и младой,
Пылая сердцемъ вѣрной нѣжной,
Привязанъ будетъ къ вамъ душей;

У сердца вашего спросите...
И если оно вамъ велитъ,
То зарумянившись скажите
Не нѣтъ уже, не нѣтъ, но да.

Во селѣ, селѣ Покровскомъ.

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой,
Разыгралась, расплясалась
Красная дѣвица душа;
Бѣлолица, круглолица
Авдотьюшка хороша.
Разыгравшись, говорила:
«Вы, подруженки мои,
Поиграемте со мною,
Поиграемте теперь.
Я со радости, съ веселья,
Съ вами поиграть хочу.
Пріѣзжалъ ко мнѣ дѣтина,
Изъ Санктпитера сюда:

Серебромъ меня дарилъ,
Онъ и золота сулилъ,
И меня, красну дѣвицу,
Подговаривалъ съ собой.
«Поѣзжай со мной, Дуняша,
«Поѣзжай» онъ говорилъ,
«Подарю тебя парчею,
И на шею жемчугомъ;
Ты въ деревнѣ здѣсь крестьянка,
А тамъ будешь госпожа,
И во всемъ этомъ уборѣ,
Будешь вдвое пригожа».
Я сказала, что поѣду,
Да опомнилась опять:
— Нѣтъ, сударикъ, не поѣду,
Говорила я ему;
— Я крестьянкою родилась,
Такъ нельзя быть госпожей;
Я въ деревнѣ жить привыкла,
А тамъ надо привыкать.
Я совѣтую такую
Поискать, сударь, тебѣ,
Чтобъ которая родилась
И умѣла бъ жить, какъ ты.
Въ нашемъ городѣ обычай,
Я слыхала ото всѣхъ,
Только лишь любить словами,

А на сердцѣ никого;
А у насъ-то лишь въ деревнѣ,
Здѣсь прямая простота,
Словомъ мы кого полюбимъ,
Тотъ и въ сердцѣ вѣкъ у насъ.
Вотъ чему я веселюся,
Чему радуюсь теперь,
Что осталась жить въ деревнѣ,
И въ обманъ не отдалась».

Я васъ люблю, любовь еще быть можетъ.

Я васъ любилъ! любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ!
Но пусть она васъ больше не тревожитъ,
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То ревностью, то робостью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

Взвейся выше, понесися.

Взвейся выше, понесися,
Сизокрылый голубокъ!

На томъ мѣстѣ опустися,
Гдѣ мой миленькій дружокъ.

Ты скажи, какъ сердце ноетъ,
Сердце вѣрное ему;
То забьется, то застонетъ,
Хочетъ улетѣть къ нему.

У кусточка, гдѣ любезный
Меня страстно цѣловалъ,
Я тамъ лью теперь токъ слезный,
И кусточикъ тотъ завялъ.

Соловей, на вѣткѣ сидя,
Громко пѣсенки тамъ пѣлъ;
Милаго теперь не видя—
Въ лѣсъ дремучій улетѣлъ!

Что зеленая дуброва,
Что отъ зноя въ жаркій день,
Принимала дорогова
И меня къ себѣ подъ тѣнь.

Сей зеленый цвѣтъ теряетъ
Безъ тебя, любезный мой!
И всякъ часъ напоминаетъ,
Что ужъ нѣтъ тебя со мной.

И въ ручьѣ, что извиваясь
Тихо по песку бѣжалъ,
При которомъ ты видаясь
Часто ягоды мнѣ бралъ,

Вдругъ вода съ пескомъ смутилась
Тамъ и ягода горька,
Съ той минуты какъ лишилась
Я любезнаго дружка.

Ахъ! не медли ни минуты,
Ко мнѣ милый прилети,
И прервавъ страданья люты
Ты въ веселье преврати.

Всё тогда переродится,
Горесть—въ радость, слезы—въ смѣхъ;
Какъ мой милый возвратится
Я счастливѣй буду всѣхъ.

Волга, рѣченька глу

Волга, рѣченька глубока!
Прихожу къ тебѣ съ тоской
Мой сердечный другъ далеко,
Ты бѣги къ нему

Ты бѣги волной, стремися,
Къ дружку вѣсть скорѣй неси,
Какъ стрѣла къ нему пустися
И словечко донеси.

Ты скажи, какъ я страдаю,
Какъ я мучуся о немъ;
Говорю, сама рыдаю,—
Слезы катятся ручьемъ...

Тамъ гдѣ онъ со мной прощался,
Я туда вдругъ побѣгу;
Гдѣ со мною разставался,
На томъ плачу берегу.

Шумитъ вѣтеръ, Волга стонетъ,
А я мучуся тоской;
Сердце ноетъ, ноетъ, ноетъ,
Говоритъ: «гдѣ милый твой?»

«Гдѣ твой другъ, твоя отрада?
Куда скрылся дорогой?»
—Жизни я тогда не рада,
Побѣгу въ слезахъ домой.

И къ несносному мученью
Должна грусть мою скрывать;

Здѣсь предавшись слезъ стремленью,
Дома видъ иной казать:

Какъ ни грустно, какъ ни больно,
Что бъ не гнали страсть мою,
Покажусь на часъ спокойна,
За то ночь проплачу всю.

Поспѣшай ко мнѣ любезный,
Покажи мнѣ образъ свой,
Токъ очей отри мой слезный,
Сердце страстно успокой.

Если бъ завтра да ненастье.

Если бъ завтра да ненастье,
То бы рада я была;
Если бъ дождикъ, то бы счастье,
За малиной въ лѣсъ пошла.

Я бы милому сказала,
Чтобы онъ шелъ за мной:
Вотъ что Маша разсуждала
Съ поля идучи домой.

Завтра съ свѣтомъ я проснусь
И въ окошко погляжу;
Если дождикъ, попрошуся,
Вотъ что матушкѣ скажу:

Идетъ дождикъ, нельзя въ полѣ
Намъ сегодня работать,
Мѣшкать нечего намъ болѣ,
Пойти въ лѣсъ малинку брать.

Отпусти меня родная,
Я малинки наберу,
Тутъ дорожка есть большая,
Распродамъ все въ вечеру.

Лишь отпуститъ, вмигъ сберуся,
Я умоюсь, побѣгу;
Лишь на часъ остановлюся
Возлѣ рѣчки на лугу.

Наберу цвѣточковъ въ полѣ,
За собой буду бросать,
Чтобы миленькій не долѣ
Меня могъ, какъ въ мигъ сыскать.

А нето аукну въ горѣ:
Ты ау, ау, мой свѣтъ!

Долети мой голосъ вскорѣ,
Гдѣ мой миленькій живетъ.

Какъ недавно мой любезный,
Разсердился на меня;
Но увидя взоръ мой слезный,
Поцѣлуй, сказалъ меня!

Я сама проста не буду,
Я надѣлаю проказъ;
Если миленькій захочетъ,
Поцѣлуй, скажу, сто разъ.

Такъ мечтавши, приуснула,
Будто на крутой горѣ;
Вдругъ проснулась встрепенулась,
но, ясно на дворѣ.

Изголовьице смочила,
Давъ обильно слезамъ течь:
Не увижусь, говорила,
Ахъ! — сегодня съ милымъ я!

Приди на этотъ лугъ.

Приди на этотъ лугъ,

Гдѣ слезы лью теперь напрасно,
Жестокій, милый сердцу другъ!
Приди, приди на этотъ лугъ,
Жестокій, милый сердцу другъ!

Одной на свѣтѣ скучно жить;
То камень, что не знаетъ страсти,
Чтобъ часъ одинъ любимой быть,
Я годы проведу въ напасти.
Приди, приди на этотъ лугъ,
Жестокій милый сердцу другъ!

Въ тебѣ ни чувствъ, ни сердца нѣтъ,
Когда мой гласъ тебя не тронетъ!
Тебя твой прежній другъ зоветъ,
Зоветъ со вздохомъ, плачетъ, стонетъ,
Приди, приди на этотъ лугъ!
Жестокій, милый сердцу другъ.

Вздохнешь по мнѣ, но Лизы нѣтъ!
Съ душой исполненной тоскою,
Она оставила сей свѣтъ,
И гробъ ея покрытъ травою:
Тогда приди на этотъ лугъ.
Но будетъ поздно, милый другъ.

Тучи улетѣли.

Тучи улетѣли
Съ голубыхъ небесъ,
Нивы зашумѣли,
Нарядился лѣсъ.
Золотится колосъ,
Ягода въ лѣсахъ,
Жаворонка голосъ
Слышенъ на поляхъ.
Рѣчка голубая
Весело бѣжитъ,
Ива молодая
На виды глядитъ;
Буря не тревожитъ
Дремлющихъ морей...
Вотъ и я быть можетъ
Стану веселей.

Пѣсня атамана.

Что отуманилась зоринька ясная,
Пала на землю росой?
Что ты задумалась дѣвица красная,
Очи блеснули слезой?

Жаль мнѣ покинуть тебя черноокую,
Пѣвень ударилъ крыломъ,
Крикнулъ!.. ужъ полночь... дай чару глубокую,
Вспѣнь поскорѣе виномъ.

Время!.. веди—мнѣ коня ты любимова,
Крѣпче держи подъ узцы!
Ѣдутъ съ товароми въ путь изъ Касимова,
Муромскимъ лѣсомъ купцы!

Есть для тебя у нихъ кофточка шитая,
Шубка на лисьемъ мѣху;
Будешь ходить ты вся златомъ облита
Спать на лебяжьемъ мѣху?

Пусть бѣденъ низкій домикъ мой.

Пусть бѣденъ низкій домикъ мой....
Но жизнь мнѣ не бѣдна,
Здѣсь добрый духъ живетъ со мной,
Она! она!

Чего желать въ судьбѣ моей,
Коль мнѣ любовь дана

И, въ мірѣ мнѣ всѣхъ благъ милѣй
Она! она!

Лишь ею жить, для ней дышать,
Здѣсь радость мнѣ одна:
Все, все мнѣ будетъ замѣнять
Она! она!

Широкій путь дороженька.

Широкій путь-дороженька
Вдоль по полю лежитъ,
И конь по той дороженькѣ
Бѣжитъ, бѣжитъ, бѣжитъ.

Конь добрый, добра молодца
Вдаль весело несетъ:
Не чуетъ онъ, не знаетъ онъ,
Куда тотъ путь идетъ!

Ахъ! чуетъ сердце молодца:
Въ немилый край тотъ путь,
Не милый край,—чужбинушку....
И ноетъ тяжко грудь!

«Въ чужомъ краю сердца чужихъ,
Тамъ счастья мнѣ не знать,
Тамъ милаго, сердечнаго,
«Мнѣ друга не видать!

Тревогой жизни утомленный.

Тревогой жизни утомленный,
Люблю я временной покой,
Люблю мой сонъ уединенный,
Съ его привычною мечтой,
Съ его отрадой потаенной.

Въ пустынѣ міра скучно мнѣ;
Здѣсь сердце бьется сиротою:
Мой ангелъ въ лучшей сторонѣ!...
Но я забудуся во снѣ —
И онъ опять передо мною!

Заблещетъ солнце съ высоты,
И утро свѣтлое проснется —
Проснусь и я... но слѣдъ мечты:
Со мной мой гость не разстается!

И цѣлый день въ душѣ моей
Таится образъ незабвенный...
И съ нимъ путь жизни веселѣй,
Онъ мнѣ вожатый неизмѣнный...

За чѣмъ же сердце такъ груститъ,
За чѣмъ слеза туманитъ очи?
Ужель мой призракъ улетитъ?
Но я дождуся новой ночи —
И сонъ мнѣ друга возвратитъ!

Луна идетъ по небесамъ.

Луна идетъ по небесамъ,
И смотритъ съ высоты,
Скажи, луна, зачѣмъ съ небесъ
На землю смотришь ты?

Иль ищешь друга на землѣ,
Чтобъ думы раздѣлить?
Иль грустно по небу одной
Тебѣ, луна, ходить?

Луна, завиденъ жребій твой!
Кого полюбишь ты,
На тѣхъ смотрѣть всегда, вездѣ
Ты можешь съ высоты.

А на землѣ, но у людей,
Ахъ, сколько дней и лѣтъ!
Какъ тучи черныя идутъ,
Идутъ, но милыхъ нѣтъ!...

Что мнѣ нужды.

Что мнѣ нужды,
Кто бы ни былъ милый?
Властитель сердце
Чтобъ по выбору любить?
Не за счастье,
И богатство ты мое,
Полюби меня,
За вѣрную любовь.
Много добрыхъ
И богатыхъ есть людей,
Но одинъ лишь
Показался всѣхъ милѣй.
Безъ него дружка
Мнѣ красный вешній день,
Зимней ночи
Не свѣтлѣе, а грустнѣй,
И съ богатствомъ
Можно вѣкъ провесть въ слезахъ,
И при золотѣ,
Съ печали умереть;
Не богатство намъ,
А милый дорогъ другъ,
И не золото,
А милаго любовь.

Зачѣмъ же съ нѣжностью такой.

Зачѣмъ же съ нѣжностью такой
Меня ты, Лила, обнимала!
Зачѣмъ заботливой рукой
Текущи слезы отирала?

Зачѣмъ клялась всегда любить,
Такими страстными словами,
И ихъ спѣшила подтвердить
Сама горящими устами?

Скажи мнѣ, Лила, для чего
Притворство такъ тебя терзаетъ?
Ахъ трудно ль обмануть того,
Кто быть обманутымъ желаетъ!

Ахъ, по мосту, мосту.

Ахъ! по мосту, мосту, по калинову мосту,
Ахъ! шелъ прошелъ дѣтина
Голубой на немъ кафтанъ;
Голубой на немъ кафтанъ, фалды машутся,
Фалды машутся, раздуваются,
Миткалинная рубашечка бѣлѣется,
По шейкѣ-то платокъ, будто аленькій цвѣтокъ,
Во карманѣ-то другой, итальянской голубой

Во правой во рукѣ тросточка [illegible]евая,
Во тросточкѣ ленточка пукетовая.
Онъ тросточкой подпирается,
Самъ пукетовой ленточкой похваляется:
То-то лента, то-то лента, то-то ленточка ала,
Ахъ! эту мнѣ ленточку сударыня дала,
Что сударыня дала и пожаловала.
Когда выду на крыльцо, вижу лапушку въ лицо.
Передъ молодцомъ дѣвица призадумавшись стоитъ,
Призадумавшись стоитъ, сама рѣчь говоритъ:
Полюби школьну, манерну, коли тѣ я не мила.
Ахъ! ты меня, голубушка, высушила,
Что ты вынула румянецъ изъ бѣлова лица,
Изъ бѣлова лица, у бородна молодца,
Ахъ! школьная, манерная, сударушка моя!
Какъ увидѣла его родна матушка въ окно,
Изъ тово ли изъ окна изъ косятчетова,
Ахъ! сынъ мой, сынъ, чадо мое милое!
Тебѣ полно, сынъ дурить, за охотою ходить,
За охотою ходить, черныхъ соболей ловить,
Черныхъ соболей ловить, красныхъ дѣвушекъ дарить!
Ахъ! мать, моя мать, тебѣ меня не унять,
Тебѣ меня не унять, за охотою ходить,
Черныхъ соболей ловить, красныхъ дѣвушекъ дарить.

Какъ у нашихъ у воротъ.

Какъ у нашихъ у воротъ, 2.
Ай! люли у воротъ, 2.
Стоялъ дѣвокъ хороводъ; 2.
Меня дѣвки кликали, 2.
На улицу пократь, 2.
Въ хороводѣ поплясать, 2.
Меня свекоръ не пустилъ, 2.
Меня пустилъ, пригрозилъ. 2.
Гуляй сноха, не долго, 2.
А я млада гуляла, 2.
До саминькихъ пѣтушковъ, 2.
Какъ зорюшка занялася, 2.
А я млада поднялась; 2.
На встрѣчу мнѣ деверекъ. 2.
Деверюнка душечка, 2.
Проводи меня до двора, 2.
До высока терема, 2.
Станетъ свекоръ младу бить, 2.
А ты меня отними, 2.
Не отнимешь, прочь поди. 2.

За горами, за долами.

За горами, за долами,
За лѣсами, межъ кустами,
Лужечикъ тамъ былъ, 2.

На лужку росли цвѣточки
Вокругъ милы ручеечки,
Блистали въ струяхъ. 2.
Птички нѣжно пѣсни пѣли,
Слышны были тамъ свирѣли,
Соловей свисталъ. 2.
Вся природа веселилась,
И утѣха тамъ рѣзвилась;
Вѣялъ вѣтерокъ. 2.
Не далеко былъ тамъ холмикъ,
А на холмикѣ былъ домикъ,
На всей красотѣ. 2.
Подлѣ домика дубочикъ
Гдѣ сидѣлъ молодчикъ,
Въ кручинѣ, въ тоскѣ. 2.
Поджавъ ручки сидѣлъ,
На цвѣточки онъ смотрѣлъ,
Пѣсенку запѣлъ: 2.
Ахъ! ты милая моя,
Миловидная моя!
Скучно безъ тебя! 2.
Всѣ кусточки и листочки
И прекрасные цвѣточки
Здѣсь не веселятъ 2.
Они грусть лишь умножаютъ,
Мнѣ тебя напоминаютъ,
Какъ рѣзвились здѣсь. 5.

Мы играли въ мотылечки,
А любовь плѣла вѣночки,
Всякій вечерокъ. 2.
Цѣловались, миловались,
Птички глядя любовались,
Какъ любились мы. 2.
А теперь въ несносной скукѣ,
Душенька, съ тобой въ разлукѣ,
Въ смертельной тоскѣ. 2.
Нѣтъ минуты, ни часа,
Чтобъ не зрѣлася краса
Твоя въ сихъ мѣстахъ. 2.
Гдѣ всегда часто гуляли,
Пѣсенки съ тобой пѣвали,
Сидя на травѣ. 2.
Всегда эхо раздавалось,
И сердечко восхищалось,
Среди всѣхъ отрадъ. 2.
Безъ тебя здѣсь мнѣ не мило,
Все не мило, все постыло:
Скрылся свѣтъ отъ глазъ. 2.
Сердце ноетъ, ноетъ, ноетъ;
Въ разлукѣ плачетъ, стонетъ
Добрый молодецъ. 2.
Не тужи, не плачь, дѣтина,
Ты мнѣ жалокъ сиротина!
Увижусь съ тобой. 2.

Опять будемъ мотылечки,
И по прежнему дружечки,
Съ тобой милый другъ. 2.

Чѣмъ тебя я огорчила.

Чѣмъ тебя я огорчила? ты скажи любезный мой;
Или тѣмъ, что полюбила, потеряла свой покой
Ни покою, ни здоровья не жалѣла для тебя?
Слышу, вижу, какъ вздыхаешь — есть иная; у тебя...
То разлучница моя...
Вспоминаетъ мое сердце по тебѣ любезный мой!
Гори, гори мое сердце, разгорайся въ лицѣ кровь;
Гасни, гасни, огонь страстный; исцѣляйся нѣжна грудь.
Смѣйся, варваръ, надо мною, какъ я буду слезы лить...
Я обмана твоего не знала, начала вѣрно любить...
Влюблена въ дружка смертельно, по несчастью своему:
Сколько милъ меня любилъ, столько горестей терплю.

Столько горестей терплю, тебя миленькой,
люблю.
Ай вы кудри, мои кудри, кудри русыя мои!
Не по прежнему кудерички по плечикамъ
лежатъ.
Не по плечикамъ лежатъ, а развитися
хотятъ.

При долинушкѣ стояла.

При долинушкѣ стояла, калину ломала,
Я калинушку ломала, въ пучечки вязала,
Я въ пучечки вязала, въ дорожку бросала,
Я въ дороженьку бросала, друга возвращала;
Воротись, моя надежда, воротися сердце!
Не воротишься моя надежда, хотя оглянися!
Не оглянешься, надежда, махни черной шляпой.
Загадаю я загадку, изволь отгадати:
Съ чего кудри завивались, съ чего развивались?
Со радости кудри вьются, съ печали сѣкутся.

Ахъ! грустно мнѣ.

Ахъ! грустно мнѣ
На чужой сторонѣ:
Все не мило, все постыло,
Со мной миленькой здѣсь нѣтъ.

Здѣсь милой моей нѣтъ,
Сталъ постылъ мнѣ бѣлый свѣтъ;
Что бывало утѣшало
Теперь плачу я о томъ.
Ахъ! милая моя!
Отставала отъ меня:
Противъ воли, въ тяжкой долѣ,
Буду жить безъ тебя.
Куда не пойду,
Я тебя не найду.
Мнѣ постылы и не милы
Всѣ мѣста безъ тебя.
Нѣтъ другой никакой,
Чтобъ сравниться съ тобой:
Воздыхаю, вспоминаю
Какъ была ты со мной.
Представляю себѣ
Говоришь будто мнѣ:
Забываюсь, откликаюсь
Часто на голосъ твой.
Мнѣ во всякій день
Твоя мнится тѣнь.
Обернуся, оглянуся,
Ахъ! нѣтъ никого.
Здѣсь милой моей нѣтъ,
Пойду за ней во слѣдъ:

Гдѣ бъ ни крылась, ни таилась,
Сердце скажетъ мнѣ путь!
ило ужъ нигдѣ
Равна мнѣ грусть вездѣ:
Цоражаетъ, разлучаетъ
Рокъ жестокій меня.
Свершилось все со мной.
Разлучился я съ драгой:
Сердце рвется, мысль метется,
Миновался покой.
На своей сторонѣ,
Не забудь обо мнѣ:
Воздыхавши, вспоминавши,
Будь мнѣ такъ же вѣрна!

Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту.

Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту,
Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту, трава росла,
Трава росла шелковая,
Шелковая, муравая, зеленая;
И я въ три косы косила, ради гостя,
Ради гостя, ради друга,
Ради гостя, ради друга дорогова.
Слышитъ, чуетъ мое сердце,
Слышитъ, чуетъ мое ретивое:
Что задумалъ моя радость,

Что задумалъ, моя радость, другъ жениться:
Онъ не хочетъ со мной бѣдной,
Онъ не хочетъ со мной бѣдной проститься.
Какъ поѣдешь, моя радость,
Какъ поѣдешь, моя радость, другъ жениться:
Заѣзжай ко мнѣ, дѣвицѣ,
Заѣзжай ко мнѣ, дѣвицѣ, другъ проститься:
Не равно, моя надежда,
Не равно, моя надежда, что случится.
Черезъ рѣченьку поѣдешь, другъ, потонешь,
Черезъ быстру понесешься,
Черезъ быстру понесешься, —захлебнешься,
Про меня, красну дѣвицу, воспомянешь,
Какова-то я младенька,
Какова-то я младенька бывала.
Поутру ранымъ-ранешенько вставала,
На босу ножку башмачки,
На босу ножку башмачки надѣвала,
А на плечики салопчикъ накидала,
На головушку платочекъ повязала.
На головушку платочикъ повязала,
Встрѣтить гости дорогова поспѣшала.

Какъ за рѣченькой слободушка стоитъ.

Какъ за рѣченькой слободушка стоитъ,
Во слободкѣ молода вдова живетъ,

У вдовушки дочь хорошая ростетъ,
Про нее славушка хорошая идетъ.
Ея личико какъ бѣленькій снѣжокъ,
Щеки алы, словно розовый цвѣтокъ;
Брови черны, развеселые глаза,
Рѣчь умильна, политичныя слова:
Гдѣ родилася такая красота?
Красоты въ лицѣ не можно описать,
И подобія нигдѣ не отыскать.
У воротъ дѣвка стояла съ молодцомъ,
Красавица говорила молодцу:
Полно, миленькій, въ компанію ходить,
Перестань другъ, пусты рѣчи говорить,
Перестань ты меня, дѣвушку, сушить!
Я со той тоски млада замужъ нейду,
Хоть замужъ пойду за стараго старика;
Старый мужъ не пускаетъ не куда,
А хоть пуститъ, самъ за мною въ слѣдъ идетъ,
Меня, молоду, кручинушка беретъ!
Злые люди, вы уймитесь говорить,
Перестаньте меня, молоду, бранить!
А кто съ молоду не знаетъ той любви,
Какова любовь на свѣтѣ тяжела?
Остаюся я за старымъ молода.
Вѣтры дуютъ, лѣса клонятъ на меня;
Слышитъ сердце небывалыя словеса:
Мой миленькій, миленькій хорошъ;

Хотѣлъ милый меня дѣвку снарядить;
Бѣлый свѣтъ, мнѣ не кажется младой,
Розовъ цвѣтъ, онъ отъ солнышка бѣжитъ;
Лучше, лучше черно платьице возьму,
Въ черномъ платьѣ и въ компанью покажусь.
И тогда-жъ млада заочно я со всѣми распрощусь.

Голова-ль ты моя, головушка.

Голова-ль ты моя, головушка,
Голова ли молодецкая;
Что болишь ты, что ты клонишься
Ко груди, ко плечу могучему?
Ты не то была, разудальная,
Въ прежни годы, дни разгульные,
Въ русыхъ кудряхъ, въ красотѣ твоей
Или въ шапкѣ, шапкѣ бархатной,
Соболями отороченой.
Днемъ ли въ тѣ поры я выѣду?
Въ очи слезы—ты нахмуришься;
Въ темномъ лѣсѣ въ ночь немѣсячную
Ты найдешь тропу заглохшую;
Красна дѣвица приглянется,
И безъ словъ ей все повыскажешь;
Повстрѣчаются не добрые
Только взглянешь и покаятся!
Что жъ теперь ты думу думаешь,

Думу крѣпкую, тяжелую?
Иль ты съ сердцемъ поразмолвилась,
Иль присуха молодецкая
Ни изъ сердца, ни съ ума нейдетъ?
Ужъ не вырваться изъ клѣточки
Пѣвчей птичкѣ конопляночкѣ:
Знать и намъ не видѣть болѣе
Прежней жизни съ прежней радостью.

Гори, гори лучинушка.

Гори, гори лучинушка,
Гори, посвѣтлѣе,
Прядись скорѣй мой чистый ленъ,
Прядись поскорѣе.
Спѣши мое кленовое,
Спѣши веретенцо!
Пора мнѣ шить для милаго
Въ дары полотенцо.
Мнѣ вѣсть пришла, что живъ мой другъ,
И скоро пріѣдетъ;
Его душа моей душѣ
Ни въ чемъ не измѣнитъ.
И можетъ быть, летитъ ко мнѣ
Онъ соколомъ яснымъ,
Я буду ждать по вечеру,
И въ утро днемъ краснымъ.

Лишь только я увижусь съ нимъ,
Скажу: другъ со мною!
Пришлю скорѣй подарокъ мой
И сердцемъ и душею.

Добрый витязь, скинь шеломъ.

«Добрый витязь; скинь шеломъ,
Отдохни съ друзьями;
Предъ горящимъ камелькомъ
Побесѣдуй съ нами!...

—Что могу я вамъ сказать!
Одну повѣсть знаю,
Мнѣ легко ль ее сказать:
Я люблю, страдаю!»—

«Добрый витязь! ты горишь
Страстью безнадежной;
Но зачѣмъ дворца бѣжишь
Изабеллы нѣжной»!

—«Мрачной горести моей
Взоръ ея виновникъ;
Я до гроба вѣрный ей
Рыцарь и любовникъ»!

Той, которой милъ весь свѣтъ,
Гордый мужъ владѣетъ;
Но забыть ее, нѣтъ! нѣтъ!
Сердце не умѣетъ!

—«Скоро, скоро, средь мечей
Кончу вѣкъ постылый,
Не могу я жить для ней,
Пусть умру для милой.

Страшно воетъ, завываетъ.

Страшно воетъ, завываетъ
Вѣтръ осенній;
По поднебесью далече
Тучи гонитъ.
На часахъ стоитъ печально
Юный ратникъ;
Онъ уносится за ними
Грустной думой.
О, куда, куда васъ тучи,
Вѣтеръ гонитъ!
О куда ведетъ судьбина
Горемыку!
Тошно жить мнѣ: мать родную
Я покинулъ!
Тошно жить мнѣ: съ милой сердцу

Я разстался!
«Не грусти»! душа дѣвица
Мнѣ сказала,
«За тебя молиться будетъ
Другъ твой вѣрный.»
Что мнѣ дѣлать! я въ чужбинѣ
Дни окончу,
Возвращусь ли, взоръ твой друга
Не признаетъ.
Не видать въ лицо мнѣ счастья:
Жить на что мнѣ?
Дай пріютъ земля сырая,
Разступися!
Онъ поетъ, никто не слышитъ
Словъ печальныхъ...
Ихъ разноситъ, заглушаетъ
Вѣтеръ буйный.

Уже со тьмою нощи.

Уже со тьмою нощи
Проснулась тишина,
Выходитъ изъ-за рощи
Печальная луна.
Я лиру томно строю
Пѣть скорбь, объявшу духъ
Приди грустить со мною,

Луна, печальныхъ другъ!
У хладной сей могилы,
Подъ тѣнью древъ густыхъ,
Услышь мой вопль унылый
И вздоховъ стонъ моихъ.
Здѣсь Юліи любезной,
Прахъ милый погребенъ;
Я лить надъ нимъ токъ слезный
На вѣки осужденъ.
Подобно розѣ нѣжной,
Ты, Юлія, цвѣла,
Ты въ жизни сей мятежной
Мнѣ другъ, мнѣ все была.
Теперь тебя теряя,
Осталось жизнь скончать,
Иль скорбью грудь терзая,
Всечасно умирать.
Но пѣсни сей плачевной
Прервать я долженъ стонъ;
Слезами омоченный,
Нѣмѣетъ лиры звонъ;
Безмолвною тоскою
Сильнѣй тѣснится духъ.
Приди жъ грустить со мною
Луна, печальныхъ другъ.

Вѣють вѣтры, вѣють буйны.

Вѣють вѣтры, вѣють буйны,
Ажъ деревья гнутся,
Ой, якъ болитъ мое сердце,
Сами слезы льются!

Трачу лѣта въ лютомъ горѣ
И конца не бачу,
Только мене-й легче стане,
Якъ трошки поплачу!

Не поможутъ слезы счастью—
Сердцу легче буде!
Кто счастливъ бувъ хоть часочикъ,
По вѣкъ не забуде!

Есть же люди що и моей
Завидуютъ долѣ;
Чи счастлива-жъ та былинка
Що росте у полѣ?

Ой у поле на песочку,
Близъ росы на солнцѣ.
Тяжко жити безъ милаго
На чужой сторонцѣ!

Безъ милова доли нема,
Стане свѣтъ тюрьмою;
Безъ милого счастья нема
Нема и покою!

илый, чернобривый!
Де ты? озовися!
Якъ безъ тебе я горюю—
Приди, подивися!

До кого я пригорнуся,
И кто приголубитъ,
Коли нема того тута,
Якій мене любитъ!

Полетѣла-бъ я до тебѣ
Да крылецъ не маю;
Сохну, чахну я безъ тебе,
Всякъ часъ умираю.

Да иде чумакъ да дорогою.

Да иде чумакъ дорогою
Думае, гадае...
Да оглянется да чумакъ назадъ—
Ажъ волосы не мае! ..

Да сѣдлай, хлопку, да сѣдлай, малый,
Коня воронаго!
Да бѣжи, хлопку, да бѣжи малый,
Воловъ шукати!
Да оглянется да чумакъ назадъ:
Ажъ воловъ женутъ,
А за волами, да за возами
Бусурмана везутъ.—
Да бѣжи, хлопку, да збирай, малый,
Людей громаду!
Да беритъ водитъ ди бузурмена
На крутую гору;
Да ведутъ, ведутъ да бусурмена
На круту гору;
А у Кіевѣ да на рыночку
Во всѣ дзвоны дзвонятъ.

Выйдуль въ темный я лѣсочекъ.

Выйду ль въ темный я лѣсочекъ
Скрыть кручинушку мою;
Пусть не видитъ милъ дружочекъ
Въ грусти милую свою.

Ноетъ сердце, занываетъ—
И любезный другъ не знаетъ,
Что въ душѣ моей живетъ—
Онъ жестокою зоветъ.

Горесть, слезы, стонъ вы скройте
Птички, воды, вѣтерокъ!
Дайте слово, успокойте,
Чтобъ повѣдалъ милъ дружокъ.

Скройте муки видъ унылый,
Вотъ идетъ, я вижу, милый!
Ну какъ спроситъ васъ дружокъ,
Птички, воды, вѣтерокъ:

«Не видали-ль вы Анюты?...
Такъ начнетъ вамъ милъ дружокъ,
Дѣлить съ вами скуки люты
Каждый можетъ вечерокъ!

«Любитъ милая, безспорно —
Въ свѣтѣ все любви покорно;
Но не вѣдаю того,
Любитъ милая кого»?...

Вѣтерокъ, прерви молчанье,
Тихо другу прозвучи,
Что ты вѣдалъ грусть, вздыханье,
Но объ комъ и чью, молчи!

Ручеекъ, цвѣтутъ гдѣ розы,
Ты въ отвѣтъ ему журчи;

Молви другу, что зрѣлъ слезы,
Но объ комъ, и чьи молчи!

Тихо, жалко нѣжны тоны
Соловей ему свищи:
Ты скажи, что вторишь стоны,
Но объ комъ и чьи, молчи!

«Коль послушны милой волѣ,
«Не спрошу ужъ васъ я болѣ»,
Птички, воды, вѣтерокъ!...
Такъ вамъ скажетъ милъ дружокъ.

Вечеркомъ румяну зорю.

Вечеркомъ румяну зорю
Шла я въ грусти посмотрѣть;
А пришла все къ прежню горю,
Что велитъ мнѣ умереть.

Горе къ рѣчкѣ заманило;
Сѣла я на бережокъ—
Сердце пуще пріуныло,
Мутенъ чистый сталъ потокъ.

Я вздохнувши, тутъ сказала:
Лейся, рѣчка, какъ слеза!

А сказавши, показала
Полны слезъ мои глаза.

Струйки свѣтлы зашумѣли,
Будто сжалясь надо мной;
Но утѣшить не умѣли —
И осталась я съ тоской.

О, души моей веселье!
Для кого мнѣ жизнь мила,
Я послѣдне ожерелье
За тебя бы отдала.

Какъ сокровище я свѣта,
Берегу къ тебѣ любовь;
Ею лишь во мнѣ нагрѣта,
Будто пламенемъ вся кровь.

Горячѣе солнца знойна
Сердце къ милому горитъ;
А душа лишь тѣмъ покойна,
Что въ себѣ его хранитъ...

Но напрасно въ васъ, потоки,
Погружаю голосъ мой;
Вамъ пути хотя широки,
Стонъ останется со мной.

Сколько чистыхъ струй не льете
Быстрымъ бѣгомъ въ берегахъ,
Слезъ моихъ не унесете —
Слезы все въ моихъ глазахъ.

Что глаза ни повстрѣчаютъ,
Все постыло—все бѣда!
Рощи и луга скучаютъ,
Темно въ полдень мнѣ всегда.

Вѣтерокъ ли рощу тронетъ,
Гдѣ въ печали я хожу—
Тотчасъ въ душу—милый стонетъ—
И отъ страха я дрожу.

Выйду-ль на лужокъ отъ скуки,
Грусть за мною по пятамъ;
Всѣмъ веселье—мнѣ лишь мука,
Гдѣ ступила—горе тамъ!

Люди съ солнцемъ, людямъ ясно,
А со мною все туманъ!
Безъ тебя оно напрасно,
Безъ тебя мнѣ жизнь—обманъ.

Нѣтъ ужъ, нѣтъ души со мною—
Но ужель, ахъ! ту забылъ,

Звалъ которую драгою,
И клялся что ты любилъ?

Нѣтъ, не вѣрю! нѣтъ не львицей
Вскормленъ ты, любезный мой!
Той ли будешь ты убійцей,
Отданъ чей тебѣ покой!

Нѣтъ, не вѣрю—ахъ! заставишь
Сердце вѣрить и тому,
Если сроку не убавишь—
Возвратишься ты къ нему!

Я повѣрю!—жизнь разрушу,
А тебѣ лишь тѣмъ отмщу,
Что, любя тебя, какъ душу,
Смерть мою тебѣ прощу.

Кто могъ любить такъ страстно.

Кто могъ любить такъ страстно,
Какъ я любилъ тебя?
Но я вздыхалъ напрасно,
Томилъ, крушилъ себя.

Любилъ, не бывъ любимымъ
Къ несчастью моему;

Увы, насильно милымъ
Не будешь никому.

Не знатенъ я, не славенъ,
За что меня любить?
Не веселъ, не забавенъ,
Могуль кого прельстить?

Простое сердца чувство
Для свѣта ничего;
Тамъ надобно искусство,
А я не зналъ его.

Искусство величаться,
Искусство ловкимъ быть,
Умнѣе всѣхъ казаться,
Пріятно говорить;

Не зналъ—и ослѣпленный
Любовію своей—
Мечталъ я, дерзновенный,
О нѣжности твоей.

Я плакалъ, ты смѣялась,
Шутила надо мной;
Моею забавлялась
Сердечною тоской.

Надежды лучъ блѣднѣетъ
Теперь въ душѣ моей,
Уже другой владѣетъ
На вѣкъ рукой твоей.

Будь счастлива, покойна,
Сердечно весела;
Судьбой своей довольна,
Супругу вѣкъ мила.

Во тьмѣ лѣсовъ дремучихъ
Я буду жизнь вести,
Лить токи слезъ горючихъ,
Желать конца... Прости!

Мнѣ хижина убога.

Мнѣ хижина убога
Съ тобою будетъ храмъ;
Я въ ней просилъ отъ Бога
Спокойства только намъ.
Ты счастье въ этомъ свѣтѣ
Одна мнѣ можешь дать;
Имѣя лишь въ предметѣ
Тобою обладать.
Другихъ чувствъ не имѣю,
Доволенъ я судьбой;

Я міромъ всѣмъ владѣю.
Когда любимъ тобой.

Ночною темнотою.

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Всѣ люди для покою
Сомкнули ужъ глаза.

Внезапно постучался
У двери купидонъ;
Пріятнѣйшій прервался
Въ началѣ самомъ сонъ.

Кто тамъ стучится смѣло?
Со гнѣвомъ я вскричалъ.
Согрѣй обмерзло тѣло!
Сквозь дверь мнѣ отвѣчалъ.

Чего ты устрашился?
Я мальчикъ, чуть дышу;
Я ночью заблудился,
Обмокъ и весь дрожу.

Тогда мнѣ жалко стало;
Я свѣчку засвѣтилъ.

Не медливши ни мало,
Къ себѣ его пустилъ.

Увидѣлъ, что крылами
Онъ машетъ за спиной,
Колчанъ набитъ стрѣлами,
Лукъ стянутъ тетивой.

Жалѣя о несчастьи,
Огонь я разложилъ,
И при такомъ ненастьи
Къ камину посадилъ.

Я теплыми руками
Холодны руки мялъ,
А крылья и съ кудрями
До суха выжималъ.

Онъ чуть лишь ободрился,
Каковъ-то, молвилъ, лукъ?
Въ дождѣ чай повредился—
И съ словомъ стрѣлилъ вдругъ.

Тутъ грудь мою пронзила
Преострая стрѣла,
И сильно уязвила,
Какъ злобная пчела.

Онъ громко засмѣялся
И тотчасъ заплясалъ:
Чего ты испугался?
Съ насмѣшкою сказалъ.

Мой лукъ еще годится
И цѣлъ и съ тетивой,
Ты жъ будешь вѣкъ крушиться
Отнынь, хозяинъ мой.

Пятнадцать минуло мнѣ лѣтъ.

Пятнадцать минуло мнѣ лѣтъ,
Пора теперь мнѣ видѣть свѣтъ;
Въ деревнѣ всѣ мои подружки
Разумны стали другъ отъ дружки;
Пора теперь мнѣ видѣть свѣтъ! 2.

Пригожей всѣ меня зовутъ;
Мнѣ надобно подумать тутъ,
Какъ должно въ полѣ обходиться,
Когда пастухъ придетъ любиться;
Мнѣ надобно подумать тутъ! 2.

Онъ скажетъ: я тебя люблю!
Любовь и я явлю,
И тѣжъ ему скажу три слова,

Въ томъ нѣтъ урона никакова,
Любовь и я ему явлю! 2.

Мнѣ случай этотъ вовсе новъ,
Не знаю я любовныхъ словъ;
Попроситъ онъ любви задатокъ,
Что дать? не знаю я ухватокъ. 2.

Дала бъ ему я посохъ свой:—
Мнѣ посохъ надобенъ самой,
Звѣрей чтобы остерегаться;
Съ собачкой мнѣ нельзя разстаться,
Мнѣ посохъ надобенъ самой. 2.

Въ пустой и скучной сторонѣ,
Свирѣлки также нужны мнѣ;
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считала стада;
Свирѣлки также нужны мнѣ. 2.

Я помню, какъ была мала,
Пастушка поцѣлуй дала,
Неужъ ли пастуху въ награду,
За прежнюю его досаду,
Пастушка поцѣлуй дала? 2.

Какая прибыль отъ того,
Я въ томъ не вижу ничего;

Любовь владычица сердецъ,
Какъ быть, научитъ наконецъ;
Любовь своей наградой платитъ,
И даромъ стрѣлъ своихъ не тратитъ;
Какъ быть, научитъ наконецъ. 2.

Пастушка говоритъ тогда:
Пускай пастухъ придетъ сюда;
Чтобъ не было убытка стаду,
Я сердце дамъ ему въ награду.—
Пускай пастухъ придетъ сюда. 2.

Ты зачѣмъ сюда влетѣла,

Ты зачѣмъ сюда влетѣла,
Пестра бабочка, скажи?
Иль меня ты пожалѣла?...
Поплачь вмѣстѣ, потужи!

Нѣтъ лети отъ мѣстъ ужасныхъ,
Ты лети отсюда прочь!
Здѣсь лишь слышенъ стонъ печальный,
Здѣсь одна печальна ночь.

Ты лети отсюда въ поле,
Удаляйся отъ людей,

Будешь жить тамъ ты на волѣ,
Не узнаешь ихъ сѣтей.

Если такъ меня ты любишь,
Что и въ сихъ мѣстахъ нашла —
Моей просьбы не забудешь:
Къ той слетай, что мнѣ мила.

Ты легко ее узнаешь:
Ее въ свѣтѣ нѣтъ грустнѣй;
Только взглянешь, угадаешь —
Ахъ! лети скорѣе къ ней.

Прилети и приласкайся,
Если можно — слезы лей;
И утѣшить постарайся
Слезы миленькой моей.

Тише, ласточка болтлива.

Тише, ласточка болтлива!
Тише, тише, полно пѣть!
Ты съ зорею вновь счастлива; —
Ахъ! а мнѣ пришлось терпѣть!

Я разстаться долженъ съ милой
На зарѣ, къ моимъ слезамъ...

О, луна, твой свѣтъ унылый,
Краше солнышка былъ намъ!

Тише, ласточка (и проч. весь куплетъ)

Знать и сонная мечтала
О любови ты своей,
Ты къ утѣхамъ рано встала,
А я къ горести моей!
Тише, ласточка, и проч.

О, когда бъ и ты имѣла
Участь равную со мной!
Тыбъ молчала и не пѣла
И встрѣчала день съ тоской!

Тише, ласточка, и проч.

Тише, громкій соловей!

Тише, громкій соловей!
Чу!... тамъ въ хижинѣ моей
Раздается
И несется

Зефиромъ сквозь сей лѣсокъ

Моей Паши голосокъ!
Какъ малиновка весной,
Передъ утренней зарей,
Распѣваетъ
И плѣняетъ

Всѣхъ мелодіей своей,
Такъ онъ милъ душѣ моей.
Дай подкрадуся къ окну
И на милую взгляну!
Какъ день майскій
Тихій, райскій,

Пашенька моя мила,
Такъ [illegible], такъ весела!
А когда взгрустнется ей,
И она въ тоскѣ своей
Потихоньку,
Полегоньку

Нѣжну пѣсенку поетъ,—
Сколько новыхъ въ ней красотъ!
Иногда, за клависинъ,
Сѣвши томный атандинъ
Заиграетъ
И плѣняетъ

хъ, кому душа дана;

Съ кѣмъ сравняется она?
Съ кѣмъ?—нѣтъ въ свѣтѣ Пашей двухъ!
Пашенька, мой милый другъ!
Владѣй мною,
Я тобою,

Всѣхъ счастливѣе людей,
Ты душа души моей!
Тс!... она встала и вздохнула
Покраснѣла,
Поблѣднѣла —
Я лечу въ объятья къ ней...
Громче, тихій соловей!

Я бѣдная пастушка.

Я бѣдная пастушка:
Мой міръ—лишь этотъ лугъ;
Собачка мнѣ подружка,
Барашекъ—милый другъ!

Уборъ—простой цвѣточекъ,
А зеркало—ручей;
Убѣжищемъ—лѣсочекъ
Отъ солнечныхъ лучей.

Хвалиться я не смѣю,
Наукой никакой:

Лишь пѣсню пѣть умѣю
И свой беречь покой.

Не буду вѣкъ любиться,
Не буду и плѣнять,
Чтобъ послѣ не крушиться
И сердцу не пенять.

Взвейся, ласточка, вскрутися.

Взвейся, ласточка, вскрутися,
Полети скорѣй, скорѣй!
Зачиликай, завертися
Надъ любезною моей.

Ниже, ниже къ ней спустися,
Все пониже, не робѣй;
Сядь на грудь къ ней, встрепенися,
И опять лети скорѣй.

Потихоньку, чуть порхая,
Далѣ, далѣ отлетай,
И коль можешь, воздыхая,
Горьки слезы проливай.

Не забудь плачевнымъ тономъ
Тронуть нѣжный слухъ ея;
Не забудь печальнымъ взоромъ
Озариться на нее.

Какъ увидишь, оглянувшись,
Что не видно ужъ драгой,
Закружись и обернувшись
Полети назадъ стрѣлой.

Вейся, птичка, извивайся,
Громче, птичка, громче пой,
Если можешь, улыбайся,
Приближаяся къ драгой.

Прилети къ ней, подымися
Выше, выше къ облакамъ,
И оттуда опустися,
Упади къ ея ногамъ,

Томный взоръ лишь обратится
На тебя, драгой моей,
Сердце грустью въ ней пронзится,
Канетъ слезка изъ очей.

Бѣлой ручкой приласкаетъ,
Мила Аннушка тебя;

И вздохнувъ, вздохнувъ узнаетъ
Что летишь ты отъ меня.

Дай ей знать, съ какимъ мученьемъ
Разставался съ нею я;
И съ коль сладкимъ восхищеньемъ
Возвращусь къ ногамъ ея.

Ѣхавъ казакъ за Дунай.

Ѣхавъ казакъ за Дунай,
Сказалъ: дѣвчина прощай,
Ты коніку вороненькій,
Скачи да гуляй.

Постой, постой, казаче,
Твоя дивчина плаче,
Съ кѣмъ ты мене покидаешь—
Тилько подумай!

Бѣлыхъ ручекъ не ломай,
Ясныхъ очокъ не зтирай;
Мене зъ войны со славою
Къ себѣ дожидай.

Не хочу я ничего,
Тилько тебѣ одного;
Ты будь здоровъ мой миленькій—
А все пропадай!

Свиснувъ казакъ на коня,
Зоставайся молода! —
Я пріѣду, якъ не згину,
Черезъ три года.

Люблю не огонь твоихъ очей.

Люблю не огонь твоихъ очей,
Не розы свѣжее дыханье,
Не звуки сладостныхъ рѣчей,
Не юныхъ персей трепетанья.

Люблю я то въ твоихъ очахъ,
Что въ нихъ огонь любви пылаетъ:
Люблю я то въ твоихъ рѣчахъ,
Что ихъ живитъ, одушевляетъ.

«Люблю», ты молвишь, чуть дыша:
Любовь горитъ въ твоемъ дыханьи
Трепещетъ вся твоя душа,
При томномъ персей трепетаньи.

Душа въ улыбкѣ неземной,
Душа въ движеньяхъ, въ разговорѣ;
Душа въ понятномъ свѣтломъ взорѣ:
Ты любишь, ты живешь душой!

Тебя одну я понимаю,
Ты душу поняла мою:

Въ тебѣ не прелесть обожаю,
Но душу я люблю твою.

О, другъ младой, прекрасный другъ.

О другъ младой, прекрасный другъ,
Ужъ солнце за горами:
Пѣвецъ зари мой нѣжитъ слухъ,
Луна надъ озерами.

Тебя я жду, тебя зову,
Уже густѣютъ тѣни,
Приди ко мнѣ, склони главу
На дружнія колѣни....

Она пришла, она была,
Душа при ней такъ млѣла;
Но вспыхнулъ день, и какъ стрѣла,
Куда то улетѣла...

Ужъ нѣтъ, ея и грудь пуста;
Ахъ еслибъ, еслибъ чаще
Ко мнѣ слетала бъ тажъ мечта,
Мнѣ бъ горе было слаще...

Защитника Петрова града.

Защитника Петрова града
Велитъ намъ славить правды гласъ;
Его былъ Витгенштейнъ ограда,
И врагъ не смѣлъ идти на насъ,
Хоръ.
Хвала, хвала тебѣ, герой!
Что градъ Петровъ спасенъ тобой.

Орлинымъ ты своимъ полетомъ
Врагу путь къ граду преградилъ,
И доказалъ предъ цѣлымъ свѣтомъ,
Что честію ты дорожилъ.
Хоръ.
Хвала, хвала тебѣ, герой, и проч.

Лавровые вѣнцы ужъ вьются
На храбрыхъ воинахъ твоихъ;
Въ народѣ пляски раздаются,
Вездѣ гремятъ побѣды ихъ.
Хоръ.
Хвала, хвала тебѣ, герой, и проч.

Геройскихъ дѣлъ твоихъ рядъ славныхъ
Россія вѣчности предастъ,
Включитъ въ число сыновъ избранныхъ,
Царь почести тебѣ воздастъ.

Хоръ.

Хвала, хвала тебѣ, герой,
Что градъ Петровъ спасенъ тобой.

Громъ побѣды раздавайся.

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый Россъ!
Звучной славой украшайся,
Магомета ты потрясъ!
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Воды быстраго Дуная
Ужъ въ рукахъ теперь у насъ;
Храбрость Россовъ почитая,
Тавръ предъ нами и Кавказъ.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Мы ликуемъ, славы звуки
Чтобъ злодѣи могли зрѣть;
Что свои готовы руки
Въ край вселенныя простерть.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Зри, премудрая Царица,
Что твой взглядъ, твоя десница—
Намъ законъ, душа одна.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Ужъ не могутъ Орды Крыма
Нынѣ рушить нашъ покой;
Гордость тщится ужъ Селима
И блѣднѣетъ онъ съ луной.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Звукъ Измаила раздается
Здѣсь въ подсолнечной странѣ!
Зависть и вражда метется,
И терзаются въ тебѣ.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Зри на блещущи соборы!
Зри на красный этотъ строй!
Всѣ сердца тобой и взоры
Оживляются одной.
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Зри, Монарха! утѣшайся

Зри, о мати, восхищайся
На любовь къ тебѣ сердецъ!
Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать!

Что грустишь ты одинокій.

«Что грустишь ты одинокій?
Полно, странникъ, слезы лить!»
— Ахъ, отъ родины далеко
Чѣмъ себя мнѣ веселить!

«Посмотри, какъ здѣсь прекрасно:
Вся природа весела!
— Не теряй слова напрасно
Радость сердца отцвѣла.

«Посмотри, людей здѣсь много:
Въ нихъ найдешь себѣ друзей!
— Съ милыми простясь надолго,
Я отрекся отъ людей!

«Думы черныя разсѣя,
Съ нами веселись, пришлецъ!»
Близкихъ къ сердцу не имѣя,
Я межъ васъ живой мертвецъ!

Черный цвѣтъ.

Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ,
Ты мнѣ милъ навсегда;
Я клянусь, не влюблюсь
Въ другой цвѣтъ никогда.
И заставить меня
И принудить меня,
Разлюбить черный цвѣтъ
Силы нѣтъ, власти нѣтъ.
Отъ чего жъ, спросить свѣтъ;
Я влюбленъ въ цвѣтъ тѣней?
Я скажу: черный цвѣтъ
Цвѣтъ подруги моей.
И пусть вдругъ
Милый другъ,
Позабудетъ меня;
Черный цвѣтъ,
Мрачный цвѣтъ
Все любить буду я.
У меня мысль одна:
Черный цвѣтъ и она.
Съ ней на вѣкъ я солью
Мрачну душу свою,
Облекусь въ черный цвѣтъ
Разставаясь съ землей,
И пока въ очахъ свѣтъ,
Отъ нея я очей

Не сведу; черный цвѣтъ
Мнѣ наводитъ объ ней.

Прости меня.

Прости меня, прости, прелестное созданье,
Упрекомъ я тебя быть можетъ оскорбилъ,
Я выслушалъ твое съ восторгомъ оправданье,
Я ввѣрился тебѣ! я снова полюбилъ.

Ты мнѣ сулишь минуты утѣшенья,
Ты мнѣ даришь опять надежду и покой,
И бурю ревностей, упрековъ и сомнѣній
Отводишь отъ меня спасительной рукой.

Въ твоихъ глазахъ блаженство вижу,
Но если счастіе меня обманетъ вновь,
Тогда въ отчаяньи я все возненавижу,
Не стану вѣрить я ни въ дружбу, ни въ любовь.

Ай, опять.

Ай опять,
Не видать,
Прежней красной доли;

Я душой
Самъ не свой,
Сохну какъ въ неволѣ.
А бывалъ
Я удалъ:
Съ ухарскою тройкой
Понесусь
И зальюсь
Пѣсенкою звонкой.
Не кнутомъ,
Поведемъ,
Только рукавицей,
И по пнямъ,
По холмамъ
Мчатъ лошадки птицей!
Ни съ слезой,
Ни съ тоской
Молодецъ не знался;
А теперь
Ужъ дугу
Не смогу
Перегнуть какъ надо;
Возжи врось,
Ну хоть брось:
Экая досада.
Ночью, днемъ
По одномъ
Тяжко помышляю,

Все по ней,
По моей
Лапушкѣ страдаю.
Ай опять
Не видать,
Прежней красной доли.
Я душой,
Самъ не свой,
Сохну, какъ въ неволѣ.

Но за чтоже насъ несчастныхъ.

Но за что же насъ несчастныхъ
Злобный рокъ такъ обошелъ?
Очень мало дней прекрасныхъ,
Знаетъ нашъ прекрасный полъ.

Въ десять лѣтъ насъ занимаютъ
Куклы, пташки и цвѣты,
А въ тринадцать прилетаютъ
Къ намъ неясныя мечты.

Лѣтъ въ пятнадцать мы все знаемъ:
Тутъ мазурка нашъ кумиръ,
А въ шестнадцать—отличаемъ
Мы отъ фрака ужъ мундиръ.

Въ двадцать два—любовью бредимъ,
Очень часто на бѣду,
И когда на балъ мы ѣдемъ,
Припасаемъ (billets-doux).

Въ двадцать три остановляемъ,
Мы годовъ своихъ полетъ,
И лѣтъ восемь увѣряемъ,
Что осьмнадцатый намъ годъ.

Въ двадцать пять спѣшатъ всѣ замужъ,
Ловятъ хватовъ на подхватъ;
Ловятъ года три, а тамъ ужъ
Только у моря сидятъ.

Въ тридцать голосъ свой возвыся,
За столомъ мы пьемъ вино;—
Табакеркой завелися,
Нюхать намъ позволено...

Въ тридцать два за вистъ сажаютъ;
Въ тридцать пять бранимъ мы свѣтъ.
И, что всѣхъ насъ, ужасаетъ —
Это ровно сорокъ лѣтъ.

Тутъ-то плачется кокетка,
Это грозный бабій вѣкъ!

Та жъ блондинка иль брюнетка,
Да не тотъ ужъ человѣкъ.

Тутъ я ставлю запятую,
И нейду за сорокъ лѣтъ;
Такъ ужъ вамъ я доставляю
Горькихъ прелестей портретъ.

Въ сорокъ пять все точно тоже:
Только зубъ чужихъ пятокъ,
И ужъ тутъ, избави Боже,
Къ намъ попасться на зубокъ.

Въ пятьдесятъ — труды напрасны:
Конченъ балъ, конецъ пришелъ,
И тогда нашъ полъ прекрасный,
Предурной выходитъ полъ.

Вѣрно есть отъ танцевъ прибыль.

Вѣрно есть отъ танцевъ прибыль;
Да за чѣмъ же безъ причинъ,
Мучить ноги, и въ погибель
Весть и женщинъ, и мужчинъ.
Танцы двигаютъ всѣхъ ноги
И ведутъ безъ дальнихъ словъ,
Прямо къ свадебной дорогѣ

Всѣхъ возможныхъ жениховъ,
И богатыхъ стариковъ.
Въ танцахъ дама пѣсь откинетъ,
И мужчина безъ затѣй,
Станетъ вдругъ вертѣться съ ней.
Вертитъ плутъ, а самъ вздыхаетъ,
То какъ будто ей мигнетъ,
То вздохнетъ, или вздрогнетъ,
Да какъ муха къ ней прильнетъ.
И тотчасъ, какъ оттанцуютъ
Разрумянитъ ей лицо.
А ужъ шутки тутъ ли къ мѣсту,
Какъ коснется до колецъ?
Къ мѣсту, тотъ же часъ невѣсту,
Отправляетъ самъ отецъ,
Подъ вѣнецъ, подъ вѣнецъ,
Да и къ мужу наконецъ.

Я любилъ васъ сердцемъ.

Я любилъ васъ сердцемъ,
Я любилъ душею,
Вы же какъ младенцемъ,
Забавлись мною!
Вы не понимали
Ни моихъ желаній,
Ни моей печали,

Ни моихъ страданій!
Вы мнѣ не подруга,
Не для васъ я созданъ.
Разный другъ отъ друга,
Жребій намъ здѣсь роздант;
Должно намъ разстаться,
Двое мы, не оба:
Вашъ удѣлъ смѣяться,
Мой любить до гроба.

Пусть говорятъ она дурна.

Пусть говорятъ, она дурна,
Смугла, какъ дикая цыганка,
И какъ затворница блѣдна,
Но мнѣ коварная смуглянка,
Какъ память юности мила.
Она жива, стройна, какъ Геба,
Ея улыбка весела,
Какъ видъ безоблачнаго неба.
Какъ свѣтлы у нея уста,
Какъ темный взоръ ея сверкаетъ,
Когда ея любви мечта,
Огнемъ своимъ одушевляетъ.
Какъ жемчугъ блещутъ рядъ зубовъ,
Какъ смоль чернѣютъ кудрей волны,
И голосъ райскихъ звуковъ полный,

Отраденъ, сладокъ какъ любовь.
Въ ней все меня обворожаетъ:
Ея игривый, свѣтлый умъ,
Какой-то страстію плѣняетъ!
И быстрой смѣлостію важныхъ думъ,
И дѣтскихъ мыслей увлекаетъ.
Рѣзва, задумчива, нѣжна,
Добра, лукава, холодна.
То не притворна, какъ природа,
То непонятна, какъ судьба;
Она искусствомъ обладая,
Ежеминутно новой быть,
Умѣетъ сердце истощить.
Себя по волѣ измѣняя;
За то давно молва прошла,
Что будто фея молодая,
Земныя страсти покидая,
Ей страсть и прихоть отдала,
И съ той поры красой могучей
Все дышетъ и плѣняетъ въ ней;
И страстью жаркой и кипучей,
Волнуетъ миръ души моей.

Ужели ты не замѣчаешь.

Ужели ты не замѣчаешь,
Смущенья друга своего,

Когда ты рѣчь съ нимъ начинаешь
И бросишь взоръ свой на него?
Я чувствъ твоихъ понять не смѣю,
Но встрѣтясь, милая, съ тобой,
Томлюсь въ волненьи чувствъ, не смѣю
И не могу владѣть собой.
Когда рука твоя летаетъ,
Волшебной арфы по струнамъ.
Въ несчастьи, горе раздѣляя,
Когда бесѣдуешь въ слезахъ,
Горитъ чувствительность прямая,
Въ твоихъ плѣнительныхъ очахъ.
О милое твореньe!
Холодность важную смягчи,
Примѣть души моей волненье,
И грусть страдальца облегчи.
Иль нѣтъ, забудь мольбу мою напрасну.
Пускай на нѣкъ себя я погублю,
Пускай безвременно угасну,
И не открою что люблю.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

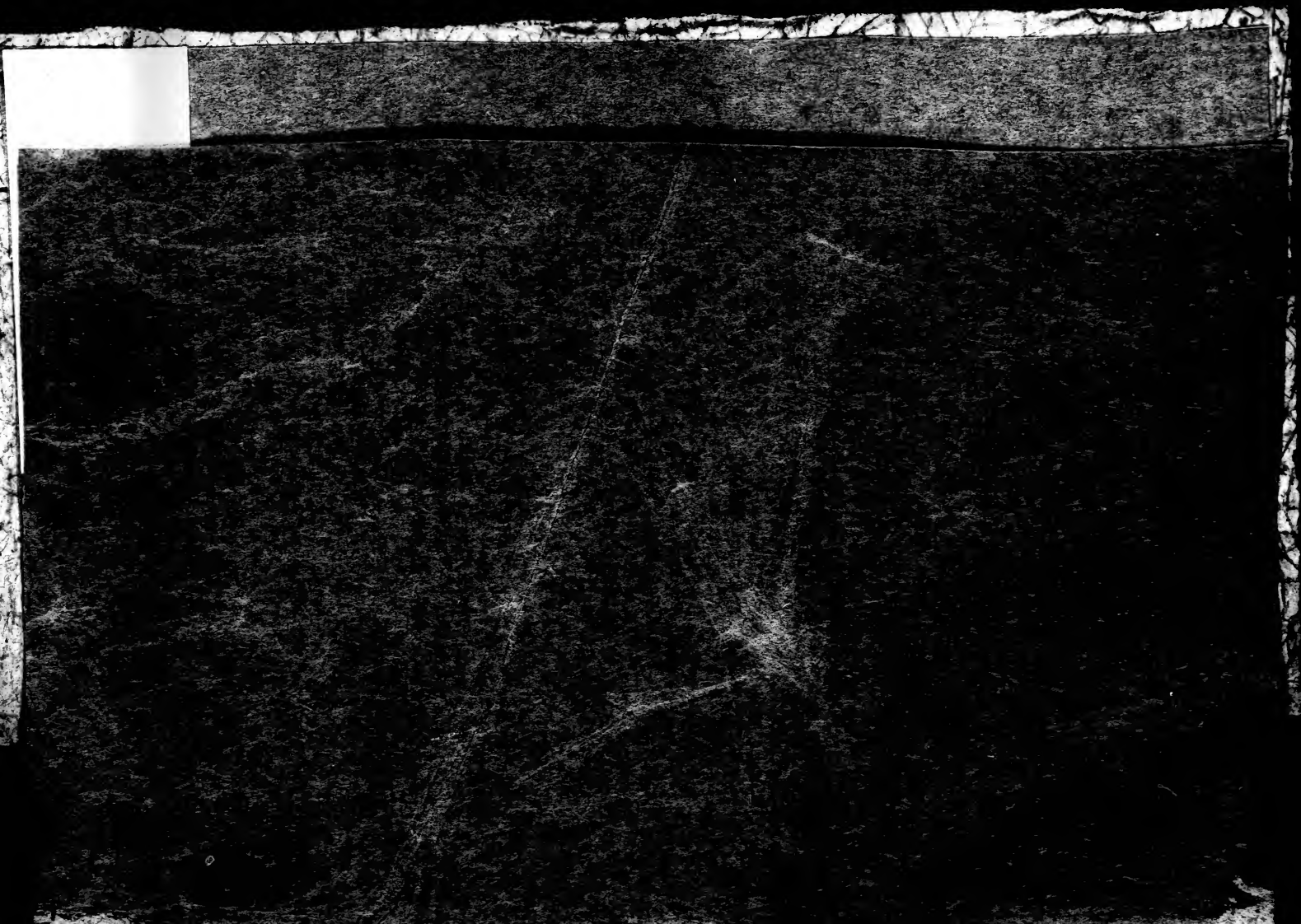
	Стран.
Матушка голубушка	3
Пряди, моя пряха	4
Вдоль по улицѣ мятелица мететъ	5
Вѣкъ юный прелестный	5
Разнощикъ	7
Вечеръ то я молодецъ	8
Сяду я на лавочку	8
Ой посіялъ мужикъ да у поле ячмень	9
Ахъ кути, валяй, головушка	11
Митька съ Питера пріѣхалъ	11
Помни меня, тебѣ твердятъ	14
Мы двѣ дѣвицы чернобровыя	15
Охъ болитъ	16
Я любила его	17
Что это за сердце	18
Обойми, поцѣлуй	19
Да ужъ вотъ вамъ моя правая рука	21
Ударилъ часъ, мѣдь зазвучала	23
Уединенная сосна	25
На что на свѣтѣ нѣтъ стиховъ	25
Небо чисто, небо ясно	27
Конченъ, конченъ	28
Лучина	31
Ѣхалъ казакъ за Дунай	32
Ахъ вы сѣни, мои сѣни	33
Я въ пустыню удаляюсь	33
Солнце на закатѣ	35
Пью за здравіе Мери	37
Ужъ какъ палъ туманъ на сине море	39
Ѣхали ребята изъ Новагорода	40

Я счастливъ, какъ съ тобой бываю
Онъ меня разлюбилъ
Душистыя кудри и черныя очи
Пойду я къ окну души дѣвицы
Горныя вершины
Крамбамбули
Якъ была я молоденька
Лѣтъ пятнадцати
Ахъ, что на небѣ свѣтло
Ой бувъ да нема
Улане, улане
Я пойду, пойду косить
Тройка
Ты не пой
Не отходи отъ меня
Лови, лови часы любви
Разлюби меня
На зарѣ ты ее не буди
Хорошо было глядѣть
Люди добрые внемлите
Она Катинька
Гдѣ ты, звѣздочка
Отойди, не гляди
Люби меня
У Антона дочка
Была бабулька
Ахъ, разумѣетъ-ли
Полюби меня
Ахъ, скучно матушка
По садочку хожу
Какъ на матушкѣ, на Невѣ рѣкѣ

41	Внизъ по матушкѣ по Волгѣ	73
42	Ивушка	74
43	Мы живемъ среди полей	75
43	И нѣтъ въ мірѣ очей	76
45	Соловей, мой соловей	77
45	Я скромна, тиха, уединенна	78
46	Что ты рано травушка	79
47	Размолодчики да дружки	80
48	Друзья, я недовѣрчивъ сталъ	80
50	Ахъ да не вечерняя заря	81
51	Обманула, провела	81
52	Какъ доселѣ у насъ братцы	82
53	Во селѣ девчина счастлива была	84
55	Охъ болитъ	84
56	Дѣвка платье мыла	85
56	Изъ подъ камушка быстра рѣчка течетъ	86
57	А мы жили на горѣ	87
58	Вечеркомъ красна дѣвица	88
51	Жилъ былъ у бабушки	89
69	Дружбы нѣжное волненье	90
62	Ты ночка, ты ноченька	91
63	Пошелъ козелъ въ огородъ	92
64	Ты поди моя коровушка домой	96
65	Мнѣ моркотно молоденькѣ	98
65	На курочкѣ перушко рябое	100
66	Садомъ садомъ кумасенька	101
67	Тебя забыть и ты сказала	102
68	Мнѣ наскучило дѣвицѣ	103
69	Вотъ мчится тройка удалая	104
69	Что ты соловьюшка	104
71	Я не люблю ее, но отъ чего порою	106

Какъ у нашихъ, у воротъ 107
Дѣвицы, если не хотите 109
Во селѣ, селѣ Покровскомъ 110
Я васъ люблю, любовь еще быть можетъ . . . 112
Взвейся выше, понесися 112
Волга рѣченька глубока 114
Еслибъ завтра да ненастье 116
Приди на этотъ лугъ 118
Тучи улетѣли 120
Пѣсня атамана 120
Пустъ, бѣденъ, низокъ домикъ мой 121
Широкій путь дороженька 122
Тревогой жизни утомленный 123
Луна идетъ по небесамъ 124
Что мнѣ нужды 125
Зачѣмъ-же съ нѣжностью такой 126
Ахъ по мосту, мосту 126
Какъ у нашихъ, у воротъ 128
За горами, за долами 128
Чѣмъ тебя я огорчила 130
При долинушкѣ стояла 130
Ахъ грустно мнѣ 131
Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту 132
Какъ за рѣченькой слободушка стоитъ . . . 133
Голова-ли ты, моя головушка 134
Гори, гори, лучинушка 135
Добрый витязь скинь шеломъ 136
Страшно воетъ, завываетъ 137
Уже со тьмою ночи 138
Вѣютъ вѣтры, вѣютъ буйны 139
Да иде чумакъ да дорогою 140

Книжная и Картинная
торговля
И. Ф.
Морозова
въ Москвѣ.



W381.5917S-M437

W117179